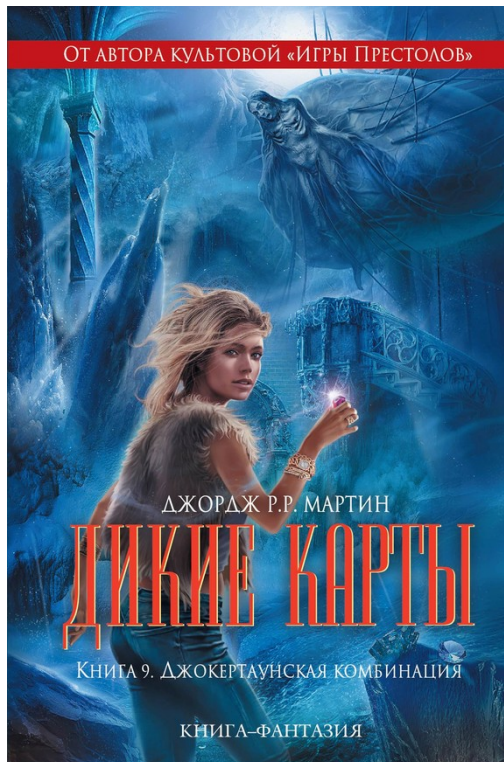

ОТ АВТОРА КУЛЬТОВОЙ «ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ»

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

ДИКИЕ КАРТЫ

КНИГА 9. ДЖОКЕРТАУНСКАЯ КОМБИНАЦИЯ

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

**Виктор Милан
Уолтон Симонс
Льюис Шинер
Уолтер Йон Уильямс
Джон Дж. Миллер
Джордж Р. Р. Мартин
Стивен Лей
Мелинда М. Снодграсс**
Джокертаунская комбинация
Серия «Дикие карты», книга 9

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361185
Перумов, Ник. Гибель Богов-2. Книга четвертая. Асгард Возрожденный : [фантастический роман] : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79210-8*

Аннотация

Остров Рокс – приют для всех джокеров под управлением губернатора Блоута. Однако в последнее время это убежище перестало быть таким безопасным, ведь там обосновалась шайка джамперов во главе со своим предводителем – Блезом Андриё. Движимый стремлением отомстить своему деду, таксианцу Тахиону, Блез помещает его сознание в тело шестнадцатилетней девушки и бросает гнить в подземной тюрьме.

Блоут искренне сочувствует Тахиону, но помочь ему не в силах – джамперы забирают все больше власти на Роксе.

В решающей схватке натуралов, джокеров и джамперов Блоуту придется воспользоваться возможностями, которыми его наградила дикая карта, или уйти на дно вместе с островом.

Впервые на русском языке!

Содержание

Стивен Лей	5
I	5
Джон Дж. Миллер	11
1	11
2	15
3	20
4	25
5	33
6	38
7	43
Стивен Лей	45
II	45
Мелинда М. Снодграсс	49
I	49
Стивен Лей	58
III	58
Мелинда М. Снодграсс	62
II	62
Стивен Лей	70
IV	70
Виктор Милан	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джордж Р.Р. Мартин

Дикие карты. Книга 9.

Джокертаунская комбинация

*И снова Пэррис,
вдове Дикой Карты и тайному тузу,
за приют, который ты давала нам все эти годы.*

George R.R. Martin

JOKERTOWN SHUFFLE

Copyright ©1991 by George R.R. Martin

© Болдырева Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Стивен Лей

Искушение Иеронима Блоута

I

Не знаю, зачем я начинаю это, или что я буду с этим делать, или с кем я хотя бы говорю. Полагаю... Полагаю, причина в том, что я хочу, чтобы кто-нибудь помнил, что здесь случилось, когда все будет кончено. На днях я думал, что Рокс не продержится долго.

Не сможет: они не позволят.

Нужно ли объяснять, кто такие «они»? Не думаю. Ручаюсь, приятель – кто бы ты ни был, – если тебе нужен ответ, значит, ты не джокер, не так ли?

Мне кажется, лишь на один вопрос нужен ответ. Никто никогда не спрашивает меня прямо, но я вечно слышу его, будто тихий металлический перезвон в несмолкаемом гомоне мыслей. Я слышу его всякий раз, как кто-нибудь смотрит на меня или даже думает обо мне: каково это, быть таким мерзким? Когда голова и плечи уродливым наростом торчат на теле, занимающем акр земли, на теле, погруженном в собственные испражнения?

Каково это? Боже...

Ладно. Я попробую ответить.

Найдите комнату. Огромное пустое пространство. Пусть она будет не так уж, черт возьми, комфортабельна, убедитесь, что пол потрескался и отсырел, а воздух – слишком холоден или слишком горяч, вся атмосфера должна балансировать на грани уныния.

Затем разыщите стул. Жесткий, неудобный и занозистый, такой, чтоб захотелось встать и прогуляться уже через пару минут после того, как сел на него. Прикрутите его к полу в центре комнаты.

Раздобудьте пятьсот телеэкранов. Заполните ими все пространство вокруг стула, создайте Великую Стену пустых экранов. Затем подсоедините их к разным каналам, включите звук и выведите изображение на каждую из матриц.

Сядьте абсолютно голым на свой занозистый стул посреди этой уродливой комнаты перед всеми этими телеэкранами. Пусть кто-нибудь прикует вас к этому мерзкому стулу, а потом водрузит вам на колени сотню свинцовых слитков. Убедитесь, что узы крепки и вы не можете шевелиться, не можете почесаться, не можете закрыть руками уши, чтоб защититься от этого ужасного шума, что вы полностью зависите от других, тех, кто кормит вас, убирает за вами или приходит поговорить.

Ну, теперь вы начали понимать, каково это – быть Блоутом. Теперь у вас есть некоторое представление о том, на что это похоже.

Я слышу вас (я всегда слышу вас). Да ладно, говорите вы. У тебя есть возможность читать мысли. Разве это не дар? Легкий поцелуй колоды диких карт.

Ладно. Я могу читать ваши мысли. У меня есть моя Стена, она держит натуралов и тузов подальше от Рокса до тех пор, пока они действительно не захотят оказаться здесь. У меня есть личная армия джокеров, защищающих меня и заботящихся обо мне.

Рокс существует благодаря мне. Я его правитель. Я обладаю властью. Без меня Рокса нет. Это блаженство, не так ли?

Думаете? Ну, все это чушь собачья. Дерьмо. Куча черной слизи.

Думаете, я действительно управляю этим местом? Да вы шутите. Вот, к примеру, когда-то я играл в D&D. Почти все это время я управлял маленьким королевством по сценарию,

придуманному нашим Мастером игры. И знаете что? Мысль о том, что я тут всем управляю, так же реальна, как и мое «королевство».

Вы не слышите, что они думают, когда говорят со мной: Прайм, Блез, Молли, КейСи и другие джамперы. Даже джокеры, даже те, кто проклят дикой картой. «Боже, какое счастье, что я не такой, как он» или «Не важно, сколько он знает или какими силами обладает, он просто гребанный ребенок...».

Я знаю. Я знаю, что они обо мне думают. И знаю, что они думают о Роксе. Мой Рокс – удобное убежище, но если завтра остров Эллис утонет в Нью-Йоркской бухте, они найдут другое место. Джамперы растворятся в глухих переулках города, джокеры... джокеры будут делать то же, что и всегда: пожмут плечами – если они у них есть – и уйдут в Джокертаун.

Так что же я буду делать? Когда мне скажут, чтоб я собирался и проваливал, а? Вы всерьез считаете, я могу куда-то свалить? Чувак, да мне повезло, что я смог добраться сюда три года назад, когда я был не больше школьного автобуса. А теперь... черт, синий кит уже не самое большое животное на Земле. Я больше чем целая стая этих гребанных китов.

Каково это?

Вы не сможете себе это представить. Вы не сможете посочувствовать мне. Это невозможно.

Ад каждого джокера сокрыт и индивидуален. Пусть так и остается.

Я ненавижу судить и выносить вердикты. Я даже знаю почему.

Мои родители были людьми слабовольными. Да, конечно... все дети винят своих родителей.

Но почему нет? Мои были бесхребетными приспособленцами, прогибавшимися под соседей, продавцов в магазинах, кого угодно, кто имел хотя бы малейшую власть. Это были два милых человека, готовых с радостью поменять свою точку зрения на противоположную при малейшем намеке на возражения. Это были два обворожительных, действительно обворожительных, человека, которые позволяли всякому окрестному сброду преследовать и запугивать их сына, школьного поэта, их сына «о, такого талантливому художника», их сына, с головой погрязшего в комиксах.

Они все говорили мне, когда я приходил домой с разбитым носом и фонарями под глазами: «Что ж, если они к тебе пристают, почему бы тебе просто не повернуться и уйти? Возможно, все дело в тебе. Сконцентрируйся на рисовании, или поэзии, или на домашних заданиях, Тедди. Играй в эту свою странную сказочную настольную игру или читай комиксы. Когда ты чуть подрастешь, они сами отстанут от тебя».

Это были два сердобольных человека, которые, когда Тэд, войдя в период полового созревания, начал вдруг превращаться в огромного слизняка, не бросили его. Нет. Они сперва позвонили в клинику Джокертауна и лишь потом исчезли.

Пропали. Растворились.

Ну, мамочка с папочкой, Тедди несомненно вырос, не так ли? Хотел бы я не быть вашим сыном. Я стал больше, но это не помогло, и я все еще тащу на себе весь ваш эмоциональный багаж.

Так как же я делаю то, что хочу? Как вам это общество? – я не могу заставить их понять, насколько все это важно.

Кафка возмущенно затахтел. Я почувствовал, что разум моих джокеров внезапно стал более острым и сфокусированным. Какое-то мгновение я забавлялся идеей просто ото-слать Блеза, Келли и КейСи прочь. Послышался смех, но я не удивился. Не очень уж.

Я слышал почти все мысли Блеза. Я знал – и Келли с КейСи тоже знали это, – что по меньшей мере часть дерзости Блеза была напускной, всего лишь защитная реакция в ответ на давление со стороны сверстников. Он не хотел казаться слабым перед другими. Нет, только не Блез. По факту ему вовсе не хотелось быть здесь.

– Я слушаю, Блез. Я всегда слушаю, когда джокер в беде. А Слаймбол безусловно джокер, не так ли? – Я закончил и захихикал, во всяком случае, он бы назвал это так. Остановившись, посмотрел прямо на КейСи. – Я всегда слушаю. Всегда. Даже когда некоторые люди думают, что мой смех похож на смех идиота двух лет от роду.

КейСи покраснела, я, как вы понимаете, процитировал ее мысли. На какое-то мгновение мне стало стыдно. Не важно, как часто я демонстрировал свои способности, я всегда чувствовал стыд. Люди не привыкли к тому, чтоб их самые драгоценные, сокровенные мысли крали. Но они ничего не чувствуют при этом, и не видят, как я это делаю, и постоянно забывают об этой моей способности.

Ну, по крайней мере, мысли Келли всегда добры.

Блез был мертвецки пьян.

– Ладно, я отговорил КейСи от убийства вашего драгоценного джокера. Мне, наверное, стоило пойти дальше и убить ее мать. Уже второй раз Слаймбол появляется на наших продовольственных складах.

– Я знал это. Уже давным-давно я уловил эти мысли Слаймбола и КейСи.

– КейСи и Келли застукали его, и мелкий засранец угрожал им ножом. Что ты собираешься делать с этим?

Я знал, что Блез хотел, чтоб я что-нибудь сделал. Мысль была предельно ясна. Его представления о справедливости просты, как черное и белое.

Я мельком взглянул на Слаймбола. После всего случившегося он был пронизан бессловесным кричащим страхом, и его переполняла ненависть к Блезу. Его саламандровая кожа блестела липким маслом, плоские подушечки пальцев впечатывались в ладони. Глаза навывкате, золотые, с вертикальными зрачками, мгновенно скрылись за толстыми полупрозрачными веками, когда он моргнул. Рот его открылся, раздвоенный змеиный язык мелькнул между тупых резцов и скрылся.

– Ты солгал мне, – сказал я Слаймболу. – Это очень, очень плохо. – Я поцокал языком и покачал головой. – Ты обещал, что оставишь продовольствие в покое. Я приказал тебе держаться подальше, и я предупреждал тебя, что случится, если ты снова нас побеспокоишь. Помнишь? Здесь, в Роксе, мы все одна большая счастливая семья.

КейСи заржала, но к ней никто не присоединился.

– Что случилось, Слаймбол?

Это трюк телепата: просто задать прямой вопрос. Он останавливает поток сознания и заставляет сосредоточиться. Я едва слушал, что там говорит Слаймбол, я смотрел, что он думает. Я мог чувствовать его голод на всем протяжении разговора. Слова ничего не значили – он был голоден, обычная вещь в Роксе. Простая штука. Он думал, что сможет ограбить джамперов и улизнуть.

Он ошибался. Вот и все.

Блез встрял в разговор.

– Блоут, я хочу, чтобы проблема была решена. Раз и навсегда. Сделай это, или это сделаю я, – сказал он. – Сделай из засранца пример для всех остальных.

Он уставился на меня. «Я убью его», – сказал мне Блез мысленно, сознательно и упорно облекая свою мысль в слова. Как будто думал, что я не прочту его мысли, если те будут недостаточно разборчивы. Сделай так, чтобы Слаймбол закончил свои дни в стоках, или я сделаю это сам. Так или иначе, рано или поздно это случится. Ваш выбор, губернатор.

– Я не убиваю джокеров, – ответил я вслух.

Он фыркнул на это:

– Весь, будь он проклят, мир убивает джокеров. С чего это вы такой особенный?

Я мог бы ему сказать. Я мог бы ему сказать, какое это проклятие – всегда знать. Эй, я знаю все. Я знаю, что джамперы украли у джокеров больше еды. Я знаю, что голод – это

проблема для всех здесь, в Роксе. Я знаю, что Слаймбол обладает разумом и ответственностью шестилетнего ребенка, и хотя сейчас ему искренне жаль, он забудет все это и, вероятно, снова поступит так же.

Это проще, когда не знаешь. Но я всегда знаю правду. Я знаю все факты.

Сложно ранить кого-то, чьи самые сокровенные мысли вы уже знаете. Трудно, когда вы знаете, что их боль вернется к вам эхом и вы будете вынуждены слушать ее. Трудно, когда вы знаете, что просто черного и белого никогда, НИКОГДА не бывает.

Прав или нет.

Зол или добр.

Не для меня точно. Я многое сделал... просто самым фактом своего существования здесь, фактом создания Рокса. Я повинен во многих смертях. Моя Стена – это не суша, а Харон не останавливается лишь потому, что кто-то из пассажиров передумал. Кафка говорит мне, что воды залива под Стеной полны скелетов. Мои жертвы в буквальном смысле. Много насилия в Нью-Йорке совершено людьми, которые живут здесь. Людьми, которых я защищаю.

Я говорю себе, что это лишь справедливость.

Я уставился на Слаймбола, глядя поверх складок собственного тела. Набивание желудка не должно быть серьезным правонарушением, при каких бы обстоятельствах оно ни происходило.

– Что собираешься делать, губернатор? – Блез настолько же нетерпелив, насколько прекрасна Келли. Ослепительно опасен. Аморален больше, чем кто бы то ни было, кого я знал когда-либо. Он хотел, чтобы я убил еще несколько чертовых Twinkies.

Черт, я не знал, что мне делать. Все казалось скверным – не было никакого правильного или неправильного решения. Когда знаешь все факты, всегда приходишь к подобным выводам. Любое решение несправедливо. Даже если бы я отказался от ответственности принять решение, я бы поставил крест на всем, что сделал, будучи губернатором. Но я не убиваю джокеров, и если я переключусь на джамперов, я потеряю их поддержку, а они так же важны для Рокса, как и я.

Послушайте, это было чертовски забавно и поначалу походило на игру. Большой малыш Блоут захватывает Рокс и держит подальше всех старых плохих парней. Но со временем все становилось серьезнее. Это был уже не сюжет какого-то комикса, все стало похоже на правду. Приходящие мысли становились все громче и громче, и я больше не мог закрыться от них, и внезапно выяснилось, что все не так уж и забавно. Дэвид умер на руках Оддити, все начали бороться за контроль вместо того, чтобы скооперироваться, условия для джокеров в большом мире опускались ниже плинтуса.

Блез не дал мне подумать.

– Блоут? Эй, Блоут!

Я окинул их всех гневным взглядом, теперь уже действительно разозлившись.

– Слаймбол виновен, – рявкнул я наконец. – Я предупреждал его. Но я не собираюсь убивать его за это, Блез. Слаймбол, теперь ты чистильщик. Ты будешь таскать мое дерьмо, пока я не буду уверен, что ты носа не сунешь к джамперам. Если тебя снова найдут на их части Рокса, я разрешу им сделать с тобой все, что им только пожелается. Понял? – Облегчение в Слаймболе мешалось с отвращением. КейСи передернула плечами. Келли посмотрела на меня со своей легкой улыбочкой.

Блез нахмурился.

– Я убью его, если увижу его сальную рожу хотя бы еще раз, – объявил он громко. – И для этого мне не нужно твое разрешение, Блоут.

– Блез, – начала Келли примиряющим тоном. – Губернатор...

Блез обернулся к ней, подняв кулак. Я чувствовал неистовство, текущее сквозь его разум как расплавленная лава.

– Стоп! – крикнул я, и ярость в моем голосе заставила арбалетчиков опустить оружие. Блез излучал внезапный страх. Я чувствовал его жар на своем лице, когда крикнул: – Тебе чертовски понадобится разрешение. Рокс – это я. Без моей Стены все натуралы будут роиться здесь как черви на труп сбитой собаки. Они похоронят тебя прямо тут. Я знаю, что ты думаешь. Ты думаешь, я слаб. «Блоут не убивает, его можно не принимать в расчет», – я слышу это.

Я взглянул на джокеров, наблюдавших за перепалкой. Я слушал их мысли. Они были так же озлоблены, как и джамперы. Я знал, что должен пресечь это немедленно, или кто-нибудь сделает что-то по-настоящему глупое.

– Кафка, – сказал я. – Блез должен поклониться мне, прежде чем уйдет. Я хочу слышать, как он благодарит меня за время, уделенное его проблеме. – Я замолчал на минуту. – И если он не сделает этого, вышиби ему мозги.

Блез смеялся. Рот его открывался и закрывался беззвучно. С минуту он раздумывал, не взять ли под мысленный контроль моих джокеров, но нас было слишком много вокруг, и внезапно он понял, что не уверен, сможет ли удержать всех.

– Ты блефуешь, – забормотал он, – ты этого не сделаешь. Это не в твоём духе.

Все это было лишь белым шумом.

Я хихикнул.

– Испытай меня. Давай. Ну же, если ты умрешь здесь, КейСи, возможно, придется заняться джамперами, и это все, что может случиться. Я бы поставил на то, что КейСи будет даже рада, если конкурентов станет меньше.

КейСи посмотрела на меня угрожающе, я проигнорировал ее взгляд.

– Я ничего не теряю, убив тебя, Блез. Совсем ничего.

Блез помедлил, мысли его метались. Я действительно не был уверен, как он поступит. Мои джокеры ждали с терпением и некоторой чрезмерной надеждой. Думаю, именно выражение их лиц повлияло на Блеза больше, чем что бы то ни было.

Он вновь шагнул ко мне и нехотя опустил голову.

Я хихикнул.

– Ты все проделал весьма неплохо. Но этого недостаточно.

Грозный взгляд. Нахмуренные брови. Перекошенное лицо.

– Благодарю, – слова были едва различимы. Внутри него все кипело: «Имел я тебя, ублюдок».

– Меня не очень-то привлекают мальчики, – сказал я ему. – Я не Прайм. Даже если бы ты был таким же симпатичным, как Келли.

Блез залился краской, точно так же, как и Келли. Приподнявшись на носки, Блез резко и зло развернулся и пошел, печата шаг, прочь, туда, где раздавался смех джокеров. КейСи обернулась, в последний раз взглянув на меня, Келли посмотрела долго и пристально (бедняжка) и последовала за ним.

Слаймбол тоже смеялся до тех пор, пока Арахис не взял его за руку и не подтолкнул к груде дерьма.

– Приступай к работе, – сказал он.

И мы все расхохотались над Слаймболом.

Джокеры имеют право смеяться над джокерами.

Кафка вскинул взгляд, посмотрев на меня. Дети. Все вы ругаетесь словно дети. Человек-насекомое вздохнул. Он сказал мне нечто, претендующее на мудрость. Может, это и была мудрость.

– Блеф – это очень опасная игра, – сказал он. – Особенно когда дело касается Блеза.

Я вспомнил эти слова позже.

Джон Дж. Миллер И надежда умереть

*По этим гнусным улицам должен пройти человек, который выше
этой гнуса, незапятнанный и незапуганный.*

Раймонд Чандлер

1

Бренан проснулся внезапно, хотя ночь была тиха и Дженифер спала рядом, не потревоженная. Он спросил себя, что могло его разбудить, когда снова уловил слабый запах жира и ружейной смазки, и вскочил, потому что ночь взорвалась громом и огнем.

Он столкнулся с диван-кроватью вправо, а сам скатился влево, когда пуля обожгла его бок, а другая разорвала верхнюю часть бедра. Он стиснул зубы, не обращая внимания на боль, пронзившую ногу, когда он, обнаженный, нырнул в темноту. Первой его мыслью было – отвести огонь от Дженифер. Второй – достать стрелявшего ублюдка.

Это была проблема. Бренан больше не держал оружия в доме. Все оно было заперто в сарае на заднем дворе – так он отказался от жизни, которой жил когда-то. Он пожалел об этом своем решении, пока поток пуль преследовал его на пути из спальни в глубь дома. Раздался звон бьющегося стекла, и колючий зимний ветер ударил Бренана, когда убийца вломился в окно спальни и последовал за ним в дом.

Бренан ринулся в кухню, остановился и пересмотрел свои планы, когда услышал, как второй убийца ломится во входную дверь. Он обернулся к двери, ведущей на задний двор. Его единственная надежда, понял он внезапно – выбраться наружу, туда, где он сможет использовать свои охотничьи навыки, чтобы нейтрализовать численно превосходящего, хорошо вооруженного противника.

Бренан бросился в заднюю дверь, увернувшись влево и перекатившись по земле. Еще один убийца поджидал его, но Бренан проскочил слишком быстро, чтобы тот успел точно прицелиться.

Бренан стиснул зубы, преодолевая боль, пронзившую ногу, когда он ринулся напрямик через свой тщательно прочесанный граблями песчаный сад, разрушая спокойствие искусственно созданных волн отпечатками следов и пятнами крови. Убийца был слишком медлителен, чтобы поймать его в прицел, и череда выстрелов взрыла землю под пятками Бренана, когда он нырнул в густой кустарник, окружавший его стоящий на отшибе деревенский дом.

Дыхание, срываясь с губ Бренана, застывало в холодном ночном воздухе, пока он стоял, обнаженный, на ледяной земле. Его голые ступни расплавили снег под ногами, бедро держало от боли с каждым ударом сердца, но он едва ли чувствовал это, когда присел на корточки среди заметенных снегом кустов.

Еще одна одетая в черное фигура присоединилась к тому, кто поджидал его в засаде на заднем дворе. Они говорили тихо и неразборчиво, один из них указывал в лес, куда-то туда, где скрылся Бренан. Никто из них, казалось, не горел желанием идти под его темные своды.

Бренан поморщился, заставляя себя мыслить рационально. Его самой большой проблемой было время. Его противники могли позволить себе подождать. Он же скорчился, обнаженный, посреди ледяной зимней ночи, уже вытягивавшей тепло из его костей. Ему нужно было пробраться к сараю за теплицей, прежде чем он превратится в неподвижный кусок застывшего мяса.

Едва Бренан смог заставить себя двигаться, к убийцам присоединилась третья фигура: она включила мощный фонарь, направив луч в лес, прямо слева от Бренана. Бренан потерял всякую надежду. Теперь выбраться было почти нереально. Стрелок увидит его в луче света и снимет, как только Бренан пошевелится. Но если он останется неподвижен, он замерзнет, сэкономив им выстрел.

Он поскреб снег сведенными от холода пальцами и нашел обледенелый камень размером с кулак. Не очень-то хорошее оружие, но для его целей сгодится. Он осторожно скользнул в сторону, когда луч фонаря подобрался ближе. Встал, чтобы бросить камень, как вдруг что-то выпало из чердачного окна, глядящего на задний двор.

Крохотная фигурка, не больше десяти дюймов ростом, приземлилась на плечо одного из убийц с тонким, пронзительным криком. Металл тускло сверкнул в серебряном лунном свете, и фигурка закричала вновь и вонзила нечто, напоминающее вилку, в шею убийцы. Человек взвизгнул от боли и страха и смахнул существо рукой. Оно упало наземь жалкой кучкой и замерло неподвижно.

У Бренана сердце оборвалось, когда он понял, что это был Тыквоголовый – один из карликов, которых он спас из туннелей под Хрустальным дворцом. Их было около тридцати – детей странного джокера, которого они называли Матерью. Они были глазами и ушами Хризалис в городе, но после смерти Хризалис дворец был разрушен, и Бренан забрал их в эту глушь, чтоб они жили с ним и Дженифер.

И теперь они делали то, о чем он мог только молиться – отвлекали убийц от цели. Вопя, они прыгали из чердачного окна, падая прямо на убийц, словно живой дождь. Они были вооружены чем попадя: вилками, кухонными ножами, даже остро заточенными карандашами. Их было по десять на каждого убийцу, но все они были маленькими и слабыми. Бренан с ужасом наблюдал, как убийцы, преодолев начальную растерянность, прихлопнули их всех как котят.

Кучерявый Джо первым выпрыгнул из окна за Тыквоголовым и тут же канул в Лету. Он промахнулся мимо выбранной цели и был втоптан в землю с дробящей кости силой, его пронзительный крик быстро смолк. КитиКэт удалось воткнуть кухонный нож в лодыжку своей жертвы, прежде чем ее ударили фонариком. Лизардо ткнул противника карандашом в плечо, но удар был слишком слаб, чтобы пробить кожу человека прежде, чем бандит свернул чешуйчатую шею.

Бренан с трудом подавил гнев и жалость и, не обращая внимания на боль в раненой ноге, камни и ветки, и острый лед, впивающийся в голые подошвы, двинулся вперед так быстро, как только мог.

Словно призрак мелькал он среди деревьев, кружа вокруг А-образной рамы и теплицы за ней. Он остановился у навеса за теплицей и выругался. Он забыл о ключе. Он чуть отошел, надеясь вышибить дверь, но тихий шипящий голосок остановил его прежде, чем он успел нанести удар.

– Босс! Босс, вот ключ!

Это был Брутус, карлик ростом в фут, с жесткой кожей, собравшейся в толстые складки вокруг его серого безволосого лица. Брутус сжился с ролью вождя племени. Он был умнее большинства гомункулов, но даже он не превосходил интеллектом развитого ребенка. Тем не менее сейчас он просчитал ситуацию с замечательной предусмотрительностью. Он бросил ключ к замку Бренану, и тот поймал его неловкими пальцами и попытался вставить в паз.

Ключ соскользнул несколько раз, пока наконец не раздался щелчок. Бренан распахнул дверь настежь и сдернул лук, висевший на кронштейне рядом. Быстро натянул тетиву, свисавшую с одного конца. Это был простой лук из твердых пород дерева, но он был достаточно мощным. Бренан схватил колчан, висевший там же, и отступил в ночь.

Бренан больше не чувствовал себя ни обнаженным, ни замерзшим. Его злость рвалась изнутри наружу, согревая его, пока он бежал по снегу обратно к дому. Брут наступал ему на пятки.

Дела на заднем дворе были хуже, чем Бренан мог себе представить. Крохотные раздавленные тельца нарушали спокойную безмятежность его японского сада. Раздавленные и раздробленные, человечки яростно и безнадежно сражались с гигантами, способными убить их одним ударом.

Бренан закричал от ярости и отчаяния, и этот крик заставил одного из убийц, добивавшего Большенога прикладом своего автомата, замереть на месте. Когда убийца оглянулся, подняв автомат, Бренан упал на одно колено, натянул тетиву к самому уху и выпустил стрелу. Зазубренный наконечник охотничьей стрелы безмолвно вспорол ночь и поразил убийцу прямо в грудь. Тот завалился назад, ударившись о стену А-образной рамы, а затем согнулся, выпустив оружие из рук.

Жуткий крик торжества вырвался у оставшихся в живых гомункулов, когда Бренан вынул вторую стрелу, переключаясь на новую цель, и выстрелил прежде, чем убийца успел среагировать. Он всадил стрелу в живот второй цели, и та была погребена под волной набежавших карликов. Убийца вопил и безуспешно, отчаянно пытался отползти прочь.

Третий убийца выключил фонарик, который использовал как дубину, развернулся и побежал назад в дом. Бренан выстрелил и увидел, что поразил цель, но убийца все так же бежал прочь.

Бренан наложил на тетиву очередную стрелу и стоял, вслушиваясь. Тот, которого терзали карлики, наконец-то замолчал. Первый, в кого выстрелил Бренан, был уже мертв.

– Присматривай за своими, – сказал Бренан Бруту, прежде чем захромать к задней двери. Он постоял там с минуту, прислушиваясь, но не услышал, чтоб за дверью кто-то двигался. Он не мог больше ждать. Даже если убийца сидел в засаде, он должен был войти внутрь.

Он подхватил автомат, упавший из рук первого убийцы, затем, низко пригнувшись, ринулся в дверной проем. Дом был все так же темен и тих. От центрального входа Бренан слышал звук удаляющегося автомобиля.

Он включил свет в спальне. В комнате царил хаос. Окно было разбито, осколки стекла валялись повсюду. Пули изрешетили стены, разбив заключенные в деревянные рамки картины Йошитоши и Хokusая, висевшие над диван-кроватью, в которой, утопая в море крови, тихо и неподвижно как смерть лежала Дженифер.

Кьену нравилось его новое тело. Оно было юным, обладало двумя работающими руками и, что самое лучшее, – способностями джокера, к которым он быстро приноровился. Теперь он понимал, почему Филиппу Каннингему так нравилось быть невидимкой. Но с этим телом была одна загвоздка. Это было тело другой расы. Кьен спрашивал себя, не имели ли к этому отношения сны, которые он видел в последнее время.

В снах к нему приходил отец, мягко говорил о старых добрых днях во Вьетнаме, когда Кьен еще работал в маленьком семейном магазинчике. Он всегда был послушным сыном, хотя скучная жизнь кладовщика в маленькой деревне повергала его в невероятное уныние. Но он держался до тех пор, пока его отца не убили французы в последние дни Вьетнамского восстания против европейских хозяев. Тогда, только тогда Кьен переехал в город и присоединился к армии неоперившейся еще Вьетнамской Республики. Конечно, ему пришлось кое-что изменить, чтобы вписаться в общую массу. Невозможно было сделать военную карьеру человеку с китайским именем среди крайне предубежденных вьетнамцев.

– Ты снова покинул нас, – сказал Старый папаша, помахивая тростью по своей обычной привычке подкреплять аргументы жестами. – Сперва ты отвернулся от семьи, притворившись вьетнамцем и взяв имя Кьен Пак. Теперь ты зашел еще дальше. Ты стал белым.

Было сложно спорить с порождением сна, но Кьен попытался.

– Нет, отец, – терпеливо объяснял он. – И никого не оставлял. Это часть моего плана, уловка, чтобы добить моих врагов.

Призрак фыркнул, неубежденный.

– Ты всегда был плутом, в этом я ручаюсь.

– Сегодня, – сказал Кьен, – Капитан Бренан умрет. И его шлюха, отнявшая у меня половину руки. – Он улыбнулся отцу. – Это будет вторая его женщина, которую я убью. Жаль, он не протянет столько, чтобы узнать это.

– А потом?

– За Бренаном последует Тахион. Он знает слишком много, и он может запросто раскрыть мою тайну, то, что я все еще жив в теле Филиппа Каннингема. Тахион должен умереть.

– Когда? – спросил отец.

– Скоро. Сегодня. Когда Цапли вернутся с головой Бренана и его шлюхи.

Старик фыркнул.

– Звучит так, будто ты собираешься сохранить это тело, – сказал он.

Кьен покачал своей новой головой.

– Лишь до тех пор, пока живы мои враги.

– Разве ты когда-нибудь бежал от врагов, сынок?

Кьен улыбнулся.

2

Брут взобрался по спинке и упал на сиденье грузовичка рядом с водителем.

– Мисс Дженифер больше не истекает кровью, но выглядит она забавно.

– Забавно? – спросил Бренан, боясь остановить машину хоть на минуту даже ради того, чтобы проверить состояние Дженифер.

– Она становится прозрачной, как будто исчезает, – сказал карлик.

Бренан стиснул зубы, сосредоточившись на дороге, боясь дать волю своим чувствам. Въехав в город, он сбросил скорость. Он не мог допустить, чтоб машину остановили копы, не сейчас, когда жизнь Дженифер висит на волоске и любое промедление может стать роковым.

По семнадцатой трассе он гнал как сумасшедший, пока не въехал в город. Старая дорога была уже и петляла сильнее, чем главная магистраль, но там было темнее, движение не было таким интенсивным, и патрульные там появлялись редко. Мчась по трассе, словно метеор, он выбрал тихую, не патрулируемую дорогу.

Он пытался думать только о дороге. Его разум все равно возвращался назад, на шестнадцать лет назад, в день, мучительно похожий на этот.

Это было в Японии. Бренан и его люди захватили документы, содержавшие достаточно доказательств, чтобы прочно связать генерала Кьена со всей той криминальной активностью – от проституции до торговли наркотиками, – что проистекала из Северного Вьетнама. Но до базы эти доказательства так и не добрались. Бренан и его люди попали в засаду, когда их должен был подобрать вертолет. Все это было подстроено Кьеном. Фактически генерал лично всадил пулю в голову сержанта Галковского и забрал дипломат с компроматом. Бренан, мгновенно парализованный ранением в голову, лежал в джунглях рядом с точкой высадки. Он видел, как убили всех его людей, но ничего не мог с этим сделать.

Почти неделя понадобилась Бренану, чтобы выйти из джунглей. Когда он добрался до базы, измученный, в полубреду от ран, инфекций и лихорадки, он совершил ошибку, когда рассказал о Кьене своему командиру. Его чуть было не арестовали. Каким-то образом Бренану удалось взять себя в руки. Ему удалось избежать полевого суда взамен на обещание оставить генерала Кьена в покое.

В ту ночь он вернулся к Анне-Марии, своей французско-вьетнамской жене. Она думала, что он погиб. Беременная их первым ребенком, она облегченно рыдала у него на руках, после они занялись любовью, стараясь не потревожить огромный живот, где ждал рождения их сын. Когда они уснули, убийцы Кьена пробрались в их спальню, чтобы заставить Бренана замолчать навсегда. Они упустили свою главную цель, но Анна-Мария умерла на руках мужа, и их сын умер вместе с ней.

– Там вход, – сказал Брут, выдергивая Бренана из воспоминаний.

Он припарковался вплотную к бордюру Мемориальной клиники Блайта ван Ренселлера, распахнул дверцу настежь и, хромая, обогнул фургон спереди прежде, чем звук тормозов растворился в спокойном ночном воздухе. Мелкие снежинки кружились словно туман, крошечные хлопья на мгновение оседали на лице Бренана, прежде чем растаять от жара его тела.

Он прошел через двойные стеклянные двери, распахнувшиеся автоматически с характерным шумом, едва он приблизился, и оглядел вестибюль. Там никого не было, кроме старого джокера, прикорнувшего в одном из ужасно выглядящих пластиковых кресел, а также усталой сестры, перебиравшей пачку бумаг за стойкой регистрации. Он пошел к ней.

– Тахион здесь? Нужна срочная помощь...

Сестра вздохнула и подняла на него усталый взгляд. Ее взгляд был намного старше ее самой. На какое-то мгновение он задумался, сколько раз ей говорили эти слова, сколько раз ей приходилось сталкиваться с такими отчаянными случаями на грани жизни и смерти.

– Доктор Тахион сейчас занят. На дежурстве доктор Хавьеро.

– Мне нужно заключение Тахиона, – начал было Бренан, но замолк.

Откуда-то вдруг возник слабый запах соли и рыбы. Откуда-то возник ни с чем не сравнимый привкус моря.

Бренан обернулся. Ряд автоматов в углу рекреации предлагал прохладительные напитки, содовую и конфеты. Перед ними, напевая тихонько под нос, стояла огромная фигура в церковном облачении.

– Отец Кальмар! – воскликнул Бренан.

Священник обернулся к стойке регистрации, мембраны на его глазах затрепетали от удивления.

– Дэниель?

Отец Кальмар был плотным джокером, в своей священнической рясе он казался огромным. Будучи лишь на пару сантиметров выше Бренана, он весил на сотню фунтов больше. Он выглядел крепко сбитым, но не толстым, с широкими плечами, грудью и мощным прессом. Его большие руки с длинными гибкими пальцами могли похвастаться рудиментарными присосками на ладонях. Вместо носа у него была целая куча щупалец, и от него всегда слегка, приятно пахло морем.

Он был другом и исповедником Бренана. Они знали друг друга еще с Японии, где священник служил сержантом в бригаде джокеров, а Бренан – капитаном диверсионно-разведывательной группы.

– Что случилось? – спросил он.

– Дженифер подстрелили, – кратко ответил Бренан. – Она исчезает. Мне нужен Тахион.

Для человека его размеров Отец Кальмар двигался быстро. Он подкатился к стойке мягким, текучим движением и сказал сестре:

– Зови Тахиона. Немедленно.

Та посмотрела сперва на священника, фигуру хорошо известную в Джокертауне, потом на загадочного незнакомца, только что вломившегося в здание.

– Он отдыхает, – запротестовала она. – Доктор Хавьеро...

– Зови Тахиона! – рявкнул Отец Кальмар тем голосом, которым он когда-то рявкал на несносных, ни на что не годных желторотых джокеров, впервые попавших в джунгли, и сестра подскочила, потянувшись за телефоном. Священник обернулся к Бренану.

– Неси ее внутрь. Я схожу за каталкой.

Бренан кивнул и захромал назад, к фургону.

– Что там, босс? – пропищал Брутус.

– Идем внутрь, – коротко ответил Бренан. Он подобрал одеяло, обернутое вокруг Дженифер, и осторожно вынул ее из фургона. Казалось, она весит не больше ребенка. Она исчезала, неосознанно используя свою силу, чтоб защититься от брэнного мира.

– Клади ее сюда, – сказал Отец Кальмар, внезапно материализовавшись рядом вместе с каталкой. Бренан осторожно уложил ее. Брутус вскочил на каталку и вцепился в одеяло, как только Бренан и Отец Кальмар повезли ее в приемный покой.

Тахион стоял у стойки, пальцами растирая свои заспанные сиреневые глаза. Миниатюрный чужак все еще был в мятом белом лабораторном халате, выглядевшем так, будто в нем спали.

– Что тут происходит? Я говорил вам... – Он повернулся на звук открывшихся дверей. Он замер на минуту, хмурясь, а потом глаза его распахнулись от удивления. – Дэниел!

Он быстро шагнул вперед, распахивая руки, будто собираясь обнять Бренана, но оступился, заметив его взгляд и вспомнив обстоятельства их последней встречи.

– Рад тебя видеть, – закончил он несколько неубедительно.

Бренан просто кивнул. Эти двое мужчин вместе прошли через многое – от борьбы с Роем до противостояния Кьену и Призрачным кулакам, – но Бренан все никак не мог заставить себя забыть о том, что случилось, когда они виделись в последний раз.

Это было больше года назад. Бренан и Дженифер выследили убийцу Хризалис, Хирама Вустера, вплоть до отеля в Атланте. Тахион, также присутствовавший там, произнес небольшую речь, призвав уладить дело в строгом соответствии с буквой закона. Конечно же Тахион добился своего, ведь он подкрепил свои слова мысленным внушением. Позже Вустер сдался властям, заключив официальную сделку, спасшую его от тюрьмы. Хризалис была мертва, а Вустер получил срок условно. Настоящее справедливое правосудие.

Но сейчас Бренан не мог позволить себе думать о прошлом. Сейчас у него было о ком позаботиться. Дженифер.

Тут только Тахион увидел каталку.

– Что случилось? – спросил он.

– Трое атаковали наш дом этим утром, – коротко ответил Бренан.

Тахион склонился над каталкой и откинул одеяла. Дженифер была призрачно-прозрачная. Ярким пятном выделялась лишь повязка на лбу, наложенная Бренаном.

Известная среди джокеров как Дух, Дженифер Малой могла стать нематериальной для физического мира. Она могла ходить сквозь стены, проваливаться в пол и проникать за закрытые двери словно призрак. Но сейчас, поврежденный и бессознательный, ее разум погружался в неизведанные глубины черной комы, и не было ничего в физическом мире, за что могло бы зацепиться ее тело. Она могла раствориться без остатка.

Тахион взглянул на Бренана.

– Мы возьмем ее в защищенную палату на верхнем этаже, – сказал он тихо. – Там я тщательно исследую ее.

Они прошли по коридору и поднялись на лифте наверх, затем спустились по другому коридору, темному и, очевидно, редко используемому. Комната, в которую они привезли Дженифер, имела бронированную дверь и толстые стальные сетки на окнах. Войдя, Бренан осторожно переложил Дженифер на кровать и с тревогой наблюдал, как Тахион осматривает ее.

– С ней все будет в порядке? – наконец спросил он, когда Тахион выпрямился. Лицо его хранило отрешенное, встревоженное выражение.

– Ее раны, – сказал Тахион, – не опасны для жизни. Ты хорошо перевязал их, и мне будет легко с ними справиться. Они для нее не опасны.

Бренан почувствовал неуверенность в голосе Тахиона.

– С ней все будет в порядке?

Во взгляде Тахиона, когда он посмотрел на Бренана, не было уверенности.

– Есть кое-что еще... неправильное. Ужасно неправильное. Я не могу дотянуться до ее разума.

Бренан пристально смотрел на врача пришельцев.

– Она мертва? – спросил он тихо с угрозой в голосе.

Отец Кальмар успокаивающе опустил ладонь на плечо Бренана, а Брутус тихо заскулил у изголовья кровати. Тахион покачал головой.

– Взгляни на нее. Она дышит. Кровь бежит по венам. Ее пульс устойчив. Слаб, но устойчив.

Тахион говорил, словно загадывал загадку, но, проведя годы в буддийском монастыре, Бренан привык видеть в словах Тахиона коаны – буддийские притчи, объясняющие природу жизни.

Ум Бренана ухватился за эту ассоциацию как за спасательный круг, способный вытащить его из водоворота эмоций, поднятых возможной перспективой смерти Дженифер.

– Когда жизнь подобна смерти, а смерть – жизни? – сказал он Тахиону так тихо, что Отец Кальмар едва расслышал его. – Когда сознания нет, жизнь окончена.

Тахион кивнул.

– Верно. Странность в том, что я не нахожу естественных причин для ее... отсутствия.

– Ее атаквали ментально? – спросил Отец Кальмар.

Тахион покачал головой.

– Я не смог обнаружить никаких повреждений, указывавших на какое-либо насильственное вторжение в ее разум или его изъятие. Такое чувство, будто она его потеряла... Каким-то образом.

– Ты можешь найти его? – спросил Бренан.

Тахион взглянул на Бренана без уверенности.

– Я даже не представляю, откуда начинать, – просто ответил он.

Бренан застонал и вцепился в изголовье кровати так, что едва не раздавил ее трубчатый каркас.

– Есть След, – сказал Отец Кальмар.

– След? – Тахион фыркнул и качнул головой. – Это шарлатан!

Бренан взглянул на Отца Кальмара.

– О чем вы?

– Загадочный джокер, называющая себя След. Никто о ней ничего не знает, но у нее есть необычные ментальные способности. Она может найти практически что угодно, проследив путь существования того, что она ищет.

– Может ли она найти потерянный разум? – спросил Бренан.

– Сомневаюсь, – ответ Тахиона был тверд.

Отец Кальмар покачал головой.

– Не знаю, – сказал священник. – Она владеет довольно странной силой... Или утверждает, будто владеет.

– Найди ее, – сказал Бренан. – Найди кого угодно, кто может помочь.

– Я постараюсь, – сказал Отец Кальмар с сомнением.

– Если ты не сможешь привести ее сюда, это сделаю я, – сказал Бренан с нажимом.

Священник покачал головой.

– Принуждение с ней не сработает. Если она захочет помочь тебе, хорошо. Если же нет, ничто на земле не заставит ее передумать. А она не тот человек, которого стоит злить.

– Равно как и я, – сказал Бренан.

– Не усложняй и без того сложную ситуацию, – взмолился Отец Кальмар.

– Ладно, – Бренан вздохнул глубоко, чтобы успокоиться. – Позвони ей или что там нужно сделать, чтоб пригласить ее сюда. Скажи, что я сделаю все, что смогу, все, что она захочет, лишь бы она помогла мне.

Отец Кальмар закрыл глаза и кивнул.

– Сделано, – сказал он.

Сидя на письменном столе Кьена, Лэтхем наколот на вилку последний кусочек яйца по-бенедиктински, подцепив его с последнего кусочка последней булочки на тарелке.

– Блоут становится проблемой, – сказал он Кьену.

Кьен налил себе еще стакан свежавыжатого апельсинового сока из графина на серебряном подносе и запил свой бутерброд с икрой. Он любил свежавыжатый апельсиновый сок почти так же, как любил власть. Почти. Когда то и другое встречались за завтраком, день начинался идеально.

– Можем ли мы обойтись без него? – спросил он своего лейтенанта.

Лэтхем обдумал вопрос, пока жевал и глотал, и наконец покачал головой.

– Пока нет. Возможно, со временем. – Он брезгливо вытер губы льняной салфеткой. – Я создал еще троих джокеров на прошлой неделе. Скоро у нас будет достаточно сил, чтобы справиться со всеми этими нелепыми джокерами, которых Блоут собрал на Роксе.

– Троих? – переспросил впечатленный Кьен. Те двадцать лет, что Кьен знал этого человека, тот обходился без секса. Но теперь, обретя силу джокера, прежде воздержанный мужчина вел себя словно чертов кролик. Хотя все это в перспективе лишь пойдет Кьену на пользу. Лэтхем создавал джокеров, Кьен контролировал их через своего преданного лейтенанта. Скоро они будут достаточно сильны, чтобы присоединить их как третью ветвь к Призрачным кулакам: Белоснежные Цапли, Оборотни и джамперы.

На самом деле Кьен уже пользовался их услугами: с их помощью он получил это прекрасное тело джокера, принадлежавшее ранее одному из менее преданных его лейтенантов.

Звонок телефона, стоявшего на краю стола, вывел Кьена из задумчивости.

– Да, – тихо проговорил он в трубку, пока Лэтхем смотрел с любопытством.

– Это Лао.

Лао был главой команды убийц, которую он послал за Бренаном и его шлюхой. Кьену не понравился его тон.

– Да, – на этот раз ответ Кьена звучал резче, и Лао заколебался. – Мы... мы столкнулись с некоторыми непредвиденными трудностями, – наконец сказал он.

– Он мертв? – спросил Кьен жестко.

– Женщина мертва... я думаю.

– Ты думаешь, – выдавил Кьен через силу. В горле его клокотало, ярость лишила его возможности говорить внятно. Он подождал, пока вспышка эмоций спадет и он снова сможет произносить слова. – Ладно. Приезжай со своими людьми. Я дам вам шанс все исправить.

Вновь последовала долгая пауза.

– Остальные мертвы.

Кьен подавил ярость.

– Хорошо. Я дам новый шанс тебе. Не подведи меня на этот раз.

Он не слышал многословных заверений Лао, потому что повесил трубку. Так трудно найти сегодня хороших помощников, отметил для себя Кьен. Змей был мертв, Блез – ну, здесь были некоторые возможности, но как сложно было контролировать этого маленького ублюдка. Заклинателя невозможно вызвать быстро. Чернокнижники и оборотни... другие возможности, но у Кьена были тайны, много тайн, которые он хотел скрыть. Лэтхем, тем не менее, уже знал большинство из них.

– Возможно, – сказал Кьен, внезапно воодушевившись, – мне вновь понадобятся твои джамперы. Трое или четверо из тех, кому ты доверяешь.

Лэтхем медленно кивнул.

– Хорошо. Трое или четверо доверенных, таких, от которых можно избавиться.

– Избавиться, – повторил Кьен. – Неплохой подход.

Они могли избавиться от них по завершении дела и сохранить свежие секреты Кьена в еще большей тайне. Лэтхем встал, положив салфетку на поднос, кивнул и вышел из комнаты. Кьен едва увидел это. Он спрашивал себя, каково это – обладать, словно только что купленным пальто, телом своего заклятого врага.

3

Брутус спрыгнул с плеча Бренана на изголовье кровати Дженифер. Он положил свою крохотную ручку на ее лоб и вздрогнул.

– Она холодная, босс, действительно холодная.

Бренан мог только кивнуть. Ожидание было мучительно. Тахион сделал с ранами Дженифер все, что мог, после этого ему пришлось уйти по делам клиники и оставить Бренана, Брутуса и Отца Кальмара в их прикроватном бдении. Отец Кальмар не мог сказать, как долго им придется ждать След и появится ли она вообще, и это было хуже всего.

– О ней не много известно, – объяснил Отец Кальмар, – кроме того, что она обладает ментальными способностями высшего порядка. Некоторые говорят, будто она отвратительный джокер, другие утверждают, что она – красивый туз. Никто не может сказать наверняка, каждый, кто смотрит, видит что-то свое.

Бренан нахмурился.

– Как такое возможно?

Отец Кальмар пожал массивными плечами.

– Очевидно, это ее защита – варьировать свой образ для каждого смотрящего. Никто не знает, почему так случается. Некоторые считают ее сумасшедшей.

– Не очень-то красиво, – сказал кто-то за плечом Бренана, – сплетничать о ком-то, от кого вы ждете помощи.

Бренан дернулся, потянувшись за браунингом «хай-пауэр», спрятанным в небольшой кобуре за спиной. Он не слышал, чтобы кто-нибудь вошел в палату, и поскольку нервы его были натянуты до предела, он действовал не думая. Но вынув оружие, он опустил его.

Перед ним, целая и невредимая, стояла Дженифер Малой. Ему пришлось взглянуть на кровать, чтобы убедиться: настоящая Дженифер лежит там в коме, а образ перед ним – подделка. Он посмотрел на Отца Кальмара. Тот тоже, казалось, был во власти некоего видения.

– Боже правый, – сказал Брутус. Он прыгнул с изголовья кровати и легко приземлился на плечо Бренана. Он вцепился в него, намотав на кулак прядь волос Бренана, и прошептал так, чтоб только Бренан мог услышать:

– Это Хризалис, босс. Во плоти. Но этого не может быть. Она мертва.

– Оружие не поможет, – сказал симулякр. Бренан осознал вдруг, что пришелец говорил чужим голосом. – Можно и это, – сказала она, – если вам это важно.

И голос ее изменился.

– Спасибо, что пришла, – сказал Отец Кальмар.

След опустилась на неудобный больничный стул рядом с кроватью Дженифер.

– У меня не было других дел, – сказала она. – И я подумала, что могу заскочить, посмотреть, что вам нужно.

– Как ты прошла мимо охраны клиники? – спросил Бренан.

– Это было несложно, – она пожала плечами.

– Ты можешь нам помочь? – спросил Отец Кальмар.

Она посмотрела на священника, потом на Бренана. Их взгляды сцепились, и он почувствовал, как по позвоночнику прошла дрожь, будто она взяла в свои руки его обнаженный мозг. Ее глаза сверкнули, словно кошачьи глаза в темноте, а потом взгляд ее снова стал взглядом Дженифер, и она улыбнулась ее яркой улыбкой.

– Посмотрим, – сказала она, – полагаю, я могу попробовать. Но что в том для меня?

– Все, что угодно, – сказал Бренан. – Все, что ты хочешь.

Она посмотрела на него лицом Дженифер так, что сердце его разорвалась на части.

– Все, что угодно? – повторила След, придав слову легкую провокационную нотку, что заставило Бренана сцепить зубы.

– Все, что я смогу дать, – сказал он. – Если ты настолько могущественна, как утверждаешь, ты должна понимать силу и искренность моего предложения.

Она пожала плечами.

– Я просто хотела, чтобы ты сказал это вслух. Слова делают вещи более реальными для большинства людей.

– Но не для тебя? – спросил Бренан.

– Слова имеют свое место. Но я вижу дальше слов, вижу их истинное значение. – Она нахмурилась на мгновение. – Твои слова достаточно реальны. Ты говоришь то, что думаешь.

Внезапно След выпрямилась на стуле, переключив свое внимание с Бренана на Дженифер. Повисла долгая неудобная тишина, затем След вновь откинулась на спинку стула кивая. Она взглянула на Бренана.

– Ты прав. Она ушла. Она потерялась и бродит где-то. Тело не проживет долго без разума.

– Ты можешь помочь? – спросил священник.

– Полагаю.

– Ты сможешь?

– О, думаю, да.

Бренан понял, что не дышал все это время, и выпустил воздух из легких.

– Что ты хочешь взамен? – спросил Отец Кальмар.

– О, – она отмахнулась от вопроса, – мы поговорим об этом позже. – Она обернулась к Бренану. – Теперь уходи. Твой разум создает слишком много помех. Я не могу сконцентрироваться.

– Хорошо. – Бренан кивнул Отцу Кальмару и Брутусу, последовавшим за ним вон из палаты в коридор.

– Тебе стоило заключить договор сразу, – сказал ему Отец Кальмар. – След славится чрезвычайно тяжелой платой, которую взимает за свои услуги.

– Я понимаю, – сказал Бренан. – Но важнее то, что она найдет разум Дженифер и приведет его обратно в тело. Свои дела с ней я улажу позже.

– Надеюсь, все будет так просто, – ответил Отец Кальмар, когда Бренан подхватил Брутуса и расстегнул свою кожаную куртку. Брутус нырнул внутрь и застегнул змейку так, что снаружи осталась лишь его голова.

– Просто или нет, – сказал Бренан, – если она вернет Дженифер, мы уладим все по-честному. А теперь расскажи мне, что тебе известно о смерти Кьена.

– Ты подозреваешь его?

– Всегда.

Отец Кальмар медленно кивнул.

– Мне известно немногим больше того, о чем писали в газетах. По-видимому, это был сердечный приступ, внезапный и неожиданный. Погоди минуту, – сказал он, и его длинные гибкие пальцы зашевелились возбужденно. – Было кое-что еще. Я помню, что говорил с Космо Косгровом – ну, ты знаешь, из Морга.

Бренан кивнул. Братья Косгров были известными гробовщиками в Джокертауне.

– Так вот, – продолжил Отец Кальмар. – Морг Косгрова не занимался этим делом, вероятно, гробовщики общаются между собой, и Космо сказал мне, будто гробовщики Кьена нашли тело каким-то странным.

– Странным? – переспросил Бренан. – В каком смысле?

Отец Кальмар пожал плечами.

– Он не знал подробностей. Просто сказал, что с телом было что-то не то.

– Я думаю, – пробормотал Бренан. – Теперь Исчезник – глава Призрачного кулака? Священник кивнул.

– Насколько я знаю. Кулак в последние месяцы держится тише воды ниже травы. Нет, они все так же стремятся к выгоде и так же хладнокровны, как всегда, но сообщество Призрачного кулака в последнее время скорее избегает стычек, чем ищет их.

Бренан кивнул.

– Да, это похоже на Исчезника. Он всегда старался быть максимально осмотрительным. Считал это хорошим деловым подходом. – Он взглянул в глаза священнику. – Спасибо, Боб, – сказал он.

– За что?

– За то, что был здесь, когда мне нужна была помощь.

– Для чего еще нужны священники? Я все еще надеюсь спасти твою душу, Дэниел.

– Ну хоть кто-то на это надеется. Присмотри за Дженифер ради меня. – Отец Кальмар кивнул и вернулся в палату. Бренан с Брутусом пошел дальше по коридору, вернулся на лифте на первый этаж и вышел в ночь.

Брутус, ютившийся под курткой Бренана, вздрогнул.

– Мне холодно, босс.

– Не беспокойся, – сказал Бренан. Снова начал срываться снег, подул сильный ветер. Бренан вынужден был подставить лицо снегу и ветру, когда пошел к своему грузовичку. – Я уверен, скоро нам будет очень горячо.

– Вот дерьмо, – сказал Брутус и зарылся глубже в куртку.

Когда Рик и Мик вошли в кабинет, Кьен поднял голову от стола. Братья джокеры были сиамскими близнецами или чем-то вроде того. У них была одна пара ног на двоих и одно туловище, которое, тем не менее, разделялось в районе грудной клетки, снабжая их двумя торсами и двумя парами рук. Хотя физически они выглядели внушительно, Кьен порою думал, что и мозг у них один на двоих.

– Парень пришел тебя повидать, – сказал Рик.

Мик посмотрел на своего брата с оскорбленным видом.

– Я должен был сказать об этом Исчезнику. Это ведь я говорил с этим парнем.

– Ты говорил с ним, но это я придумал пойти сказать боссу, прежде чем пускать его внутрь.

– Ты придумал? Да я...

– Прошу вас, – сказал Кьен, поднимая руку. В такие моменты ему особенно не хватало Змея. – У этого джентльмена есть имя?

Они оба задумались, а потом одновременно сказали: «Ковбой» – и уставились друг на друга.

Кьен напрягся. Это было имя Дэниела Бренана в те времена, когда он ходил под прикрытием и присоединился к Призрачному кулаку в попытке разрушить их организацию изнутри. Его уловка провалилась, когда он разрушил собственную легенду, чтобы спасти Тахиону жизнь, но ему удалось причинить немало вреда до своего разоблачения.

Кьен знал, что Бренан и Каннингем были дружны. А теперь, подумал он, он узнает предельно точно, насколько дружны.

– Зовите его, – сказал он своим телохранителям.

Он заставил себя сидеть спокойно, пока его давний враг входил в комнату. Бренан носил маску, простую черную балаклаву, которую он снял, как только Рик и Мик вышли вон, закрыв за собой дверь. Он выглядел подтянутым и загорелым, несмотря на то что на дворе была зима. Со времен Вьетнама он не прибавил в весе ни фунта, хотя на лице его появилось больше морщин, а волосы были подернуты сединой.

Он с любопытством оглядел комнату, потом взгляд его обратился к Кьену. Взгляд этот был таким же спокойным и твердым, каким его запомнил Кьен, хотя в нем и прибавилось мрачности, как будто новая беда майора довлела над ним. Его шлюха, отметил для себя Кьен, с ним не пришла. Возможно, нападение, в конце концов, и не было полным провалом.

– Тебе не кажется, что занимать офис человека, у которого ты отнял организацию, – это немного слишком? – вдруг спросил Бренан.

Кьен пожал плечами и улыбнулся. Это была скрытая карта, туз в рукаве. Бренан считал его Исчезником. Это было единственным преимуществом, необходимым Кьену, чтобы раздавить своего давнего врага.

– Почему нет? Это неплохое место, и вдруг оно опустело. Кроме того, мне показалось, это обеспечит более мягкую передачу власти.

Бренан кивнул, принимая объяснение, затем без приглашения сел. Раздраженный, Кьен открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но вдруг закрыл его. Каннингем, очевидно, терпел подобное поведение.

– Вернулся в город с визитом? – спросил Кьен так обыденно, как только мог.

Бренан кивнул.

– Кто-то вломился в мой дом сегодня утром.

Кьен сделал потрясенное лицо.

– Есть предположения, кто это был?

– Я бы поставил на Кьена, – спокойно сказал Бренан, – если б он не был мертв.

Кьен кивнул.

– Хорошая ставка, но он мертв. Я сам видел его тело.

– Уверен?

– Уверен.

– Я слышал, – сказал Бренан, – будто с телом было нечто странное. Нечто, что не вяжется с жертвами сердечного приступа.

Кьен неловко заерзал в кресле.

– А, ты имеешь в виду отрубленную голову, – догадался он.

Бренан молча кивнул.

– Ну, – сказал Кьен, внезапно решив смешать правду и ложь в равных пропорциях, – в его мозгах хранилось очень много информации.

– Мертвая Голова?

Кьен постарался выглядеть так, словно он оправдывается:

– Там было много того, что мне хотелось бы знать.

– Думаю, в это я могу поверить, – Бренан глубоко вздохнул.

Мертвая Голова был безумным тузом, способным получить доступ к памяти людей, пожирая их мозги. Когда Кьен устроил ловушку для предателя Филипа Каннингема, он использовал как наживку свое собственное тело, переселившись в тело Лэсли Кристиана. Тогда ему пришлось отделить свою голову от тела, чтобы Каннингем не смог скормить его мозг Мертвой Голове и тем самым раскрыть весь замысел.

– Если убийц подослал не Кьен, то кто? – спросил Бренан, отчасти обращаясь к самому себе.

– Ну, капитан, за это время ты обзавелся несколькими врагами, – Кьен замолчал, как будто глубоко задумавшись. – А я не могу сказать, что вполне контролирую Призрачный кулак, особенно Цапелъ. Может быть, кто-то, все еще чтящий память Кьена, наконец выследил тебя и попытался уничтожить.

– Может быть, – сказал Бренан скупно.

– И знаешь, – сказал Кьен, будто пораженный новой мыслью, – те же люди могут охотиться и на Тахиона. Возможно, кому-нибудь стоит предупредить его.

– Может быть, – сказал Бренан задумчиво. – Я скажу об этом Тахиону, когда вернусь в клинику, чтоб навестить Дженифер.

– Так ты уже видел его? – спросил Кьен.

Бренан рассеянно кивнул.

– Я отвез Дженифер в клинику. Ее ранили во время нападения.

– Надеюсь, не серьезно? – спросил Кьен, подавляя ликование.

Бренан встал.

– Нет. Не серьезно.

Кьен поднялся, чтоб проводить его до двери.

– Уверен, она выкарабкается. И если тебе что-нибудь понадобится, просто позвони.

Бренан вновь натянул балаклаву и уставился на него тяжелым, немигающим взглядом.

– Хорошо, – сказал он и покинул кабинет, пройдя мимо ругающихся Рика и Мика: Рик не мог сосредоточиться на комиксах, потому что Мик смотрел телевизор.

Кьен смотрел, как он уходит, и невольная улыбка торжества играла на его губах. Ему удалось загнать все шары к одной лузе. Последний удар – и он избавится от них всех.

4

– Что случилось, босс? – спросил Брут, когда Бренан вернулся к грузовику.

Бренан взглянул на карлика, спрятавшегося от холода в одну из старых рабочих рубашек Бренана, найденных им на заднем сиденье.

– Не знаю, – сказал Бренан. – Но я не верю, что все вещи то, чем они кажутся. Все, как всегда, в этом городе.

Он завел машину и тронулся с места.

– Куда мы едем? – спросил Брут.

Бренан взглянул на него, сворачивая на аллею, граничившую с апартаментами Кьена.

– Я собираюсь назад, в клинику, – сказал Бренан, – но ты остаешься, чтобы следить тут за всем.

Брут потянулся, выглянув из-за края панели.

– Кажется, там холодно, – сказал он.

– Еще одна причина как можно скорее найти способ пробраться внутрь.

– Верно.

Бренан поравнялся со следующей кучей мусора, вываливающейся из переполненного мусорного бака, и открыл дверь у пассажирского сиденья.

– И за чем я тут должен следить? – спросил Брут.

– Каннингем.

– Почему?

Бренан покачал головой.

– Я не уверен. Каннингем казался... странным. Необычным. Я на самом деле не могу это сформулировать, но кажется, тут что-то не то. Он назвал меня «капитан». Он никогда не называл меня так раньше. Он даже не может знать, что в армии я был капитаном... Если только... – Бренан вновь покачал головой.

Брут хмыкнул и выпрыгнул из фургона. Солнце уже взошло, но небо было темным от туч, и можно было ручаться, что скоро снова пойдет снег. Холодный ветер пронесся по аллее, когда Брут побежал к горе мусора, что-то бормоча себе под нос. Когда Брут скрылся в мусорном баке, Бренан перегнулся через пассажирское сиденье.

– И Брут...

Человечек высунул голову в покрытом жирными пятнами бумажном пакете.

– Да?

– Будь осторожен.

Карлик улыбнулся.

– Вы тоже, босс, – сказал он, прежде чем раствориться в мусоре.

Бренан захлопнул дверь и поехал прочь, убеждая себя не волноваться. Брут был одним из лучших шпионов Хризалис. Он знал, как о себе позаботиться.

Хризалис. В первый раз за долгое время его мысли обратились к ней. Они были связаны неразрывно теми событиями, что случились тогда, когда он в последний раз видел Тахиона, когда он противостоял доктору Джею Экройду, И Эль и Хираму Вустеру, убийце Хризалис.

Экرويد злился на Бренана. Для человека, с головой погрязшего в грязном, кровавом бизнесе, у того были несколько странные представления о насилии. Но Бренан не ставил это ему в вину. Он никогда не ставил людям в вину их идеалы.

Но Тахион. Тахион упустил из виду одну важную вещь, когда разразился своей речью о рабской покорности букве закона. Закон – это просто слова, написанные на бумаге, слова, которые меняются по прихоти общества, ежедневно так или иначе трактуются политиками, адвокатами, судьями, полицейскими. Любой, кто считает, будто все законы должны строго

исполняться, попадает в ловушку. Любой, кто считает, будто все законы одинаковы для всех, невзирая на расу, религию или положение в обществе, просто дурак.

Единственное, что может сделать человек, – это решить для себя, что правильно, а что нет и что должно быть сделано, чтобы бороться с тем, что неправильно. После этого он должен принять последствия своего решения, какими бы они ни были.

Бренан подъехал к клинике Джокертауна, заглушил двигатель и вышел из машины. Он прошел через раздвижные двери, ведущие в приемный покой, и окунулся в хаос.

Истеричного вида женщина кричала на затравленную медсестру, что да, черт подери, ее ребенок всегда был такого пурпурного цвета, но ее жабры все равно не работают как надо, в то время как другая сестра в белой униформе объясняла чрезвычайно шерстистому человеку, что «Синий Крест»¹, как правило, не считает электролиз обязательной медицинской процедурой, и не важно, насколько сильно он хочет работать в пищевой промышленности. Еще один джокер – весьма привлекательная женщина, если не обращать внимания на пеструю шелушащуюся кожу, – сидела и читала журнал National Geographic восьмимесячной давности, пока ее малыши ползали друг за другом под стульями, нарезая круги вокруг тощего старого джокера с запавшими глазами, непрестанно кашляющего и сплевывающего нездорово выглядящие комки в пластиковый стаканчик, крепко зажатый в его передних лапах.

Кто-то рядом с Бренаном явно спеша пробормотал: «Извините» – и проскочил мимо. Это был Тахион. Он шел с женщиной, привлекательной той сухопарой, угловатой красотой, которая затмевала и повязку на глазу, и уродливый шрам, сбегавший по ее правой щеке. Она двигалась изящно и точно, что позволяло предполагать: она знает, как держать себя в любой ситуации. Это было нужное качество для любого, кто проводил время рядом с доктором.

– Тахион.

Он обернулся с измученным вздохом, но сдержал его, когда узнал Бренана, и нахмурился, увидев выражение его лица.

– Что случилось? Дженифер?

– Нам нужно поговорить, – сказал Бренан, бросив взгляд на женщину. – Где-нибудь наедине.

Она с любопытством смотрела на Тахиона и на Бренана, и снова на чужака. Тахион указал на нее неопределенным жестом своей маленькой деликатной руки.

– Дэниел, это Коди Хавьеро, доктор Коди Хавьеро. Коди, это... Эм... мой друг.

Как обычно, говорил Тахион быстрее, чем думал, и успел назвать настоящее имя Бренана. Бренан, объявившийся год назад под личиной загадочного лучника, известного как Йомен, предпочитал держать такую информацию в тайне.

– Дэниел Арчер, – пришел он на выручку.

Тахион кивнул, и Хавьеро подала руку.

– Так в чем дело? С Дженифер все в порядке? – повторил Тахион. Выпустив руку Хавьеро, Бренан покачал головой.

– У меня еще не было возможности глянуть, как она. Есть еще кое-что, что нам нужно обсудить. Немедленно.

Хавьеро вновь взглянула на Тахиона и Бренана.

– Я сама догадаюсь, – сказала она. – Я должна забрать истории кое-каких пациентов за стойкой сестры Фолетт. А наш разговор мы продолжим после того, как вы освободитесь.

– Верно, – сказал Тахион. – Спасибо, Коди. – Он окинул взглядом приемную. – Идем, – сказал он Бренану, беря его за руку. – Кажется, у кофемашины никого нет. Мы можем поговорить, пока я волью в себя немного кофеина. Кажется, денек предстоит еще тот.

¹ Добровольное общество, оказывающее бесплатную ветеринарную помощь.

Мать и ребенок цвета поджаренного цыпленка проскочили мимо в сопровождении симпатичной медсестры и визжащих детишек-джокеров, игравших вокруг них в догонялки, но пространство вокруг кофемашины действительно пустовало. Тахион опустил восемьдесят центов в слот и получил маленький бумажный стаканчик, полный черной, сильно пахнущей жидкости.

– Хочешь? – спросил он у Бренана, но Бренан покачал головой. – И правильно, – сказал Тахион. – Возьми чаю. Я велю, чтоб чай принесли из моего кабинета.

Бренан снова покачал головой.

– Перейдем к делу, доктор.

Тахион посмотрел на него с болью в лиловом взгляде.

– Когда-то мы были друзьями, Дэниель. Мы вместе сражались против Роя! Мы...

– Мы много с кем сражались вместе, доктор, – сухо сказал Бренан. – Это не помешало вам влезть в мой разум и взять его под контроль, когда это показалось вам нужным.

– Мне пришлось это сделать! Ты собирался убить Хирама, а Джей хотел упечь тебя за решетку! Плающее небо! Что, по-твоему, я должен был сделать?

– Все очень сложно, – сказал Бренан. – Никто из нас не следует за толпой. Каждый из нас делает то, что должен. И каждому из нас приходится жить с последствиями своих поступков.

– Мы были друзьями, – прошептал Тахион.

– Когда-то, – сказал Бренан.

На мгновение повисла тишина, Тахион посмотрел в свой стаканчик. Сделал глоток и поморщился.

– Теперь он остыл, – сказал он. – Ну. О чем ты хотел со мной поговорить?

– Думаю, за нападением стоял Кьен, – ответил Бренан.

Тахион уставился на него.

– Нонсенс, – он фыркнул. – Кьен мертв.

Бренан покачал головой.

– Может быть. А может быть, он тянется ко мне из могилы. Возможно, он дал своим шестеркам приказ убить всех своих врагов в случае своей смерти.

Тахион нахмурился задумавшись.

– Почему они ждали целый год?

– Я не знаю. – Бренан пожал плечами. – Но помни. Ты также числишься в списке Кьена.

– Да, действительно, – Тахион вздохнул. – Еще одно осложнение в и так непростой жизни. – Он посмотрел на Бренана, будто собираясь добавить что-то еще, но крик от стойки заставил их обоих оглянуться.

– Тахион! – внезапно крикнула Хавьеро. – Поднять персонал по тревоге! Что-то...

Хавьеро еще не закончила, а в дверях уже поднялась суматоха. Машины, мигающий свет, вой сирен, рев тормозов. Хавьеро перегнулась через стойку, нажав кнопку интеркома, и выпаливала приказы, пока бригада «скорой помощи» выпрыгивала из машины. Один обежал машину сзади, другой пошел к дверям клиники, и те распахнулись перед ним.

– Перестрелка, – выкрикнул водитель. – Гики и Князя Демонов. У нас тут куча раненых и еще больше – на подходе.

Тахион ринулся через всю приемную, Бренан наступал ему на пятки. Водитель вернулся, чтобы помочь дежурному врачу открыть задние двери автомобиля. Из распахнутых дверей скользнула накрытая одеялом каталка, и Хавьеро, стоявшая перед стойкой регистрации, закричала:

– На пол! Все на пол!

Бренан и Тахион среагировали мгновенно, как опытные ветераны боевых действий. Они упали на отполированный линолеум, когда фигура на каталке села, отбросив одеяло, и опустошила рожок узи, залив неприцельным огнем всю приемную.

Бренан покатился, едва упал. В бесконечную секунду он видел, как пули летят сквозь приемный покой, словно рой разъяренных пчел. Старик, сплевывавший в стаканчик, был прошит через всю грудную клетку. Он подался вперед и соскользнул с кресла: удивление и боль застыли на его лице, когда взгляд уже потух.

Женщина, читавшая National Geographic, была в безопасности, пока не увидела, что ее дети замерли как вкопанные посреди помещения. Она вскочила на ноги, бесконечный истеричный крик вырвался из ее горла.

Шерстистому парню тоже повезло, но везение Коди Хавьеро было фантастическим. Стрелявший, казалось, услышал ее крик и инстинктивно направил дуло автомата в ее сторону. Но она прогнулась назад, замерев в этой странной стойке, и Бренан краем глаза заметил, что вся очередь прошла стойку прямо над ней.

К тому моменту он уже дотянулся до браунинга в кобуре за спиной. Он вжался животом в пол, вынул пистолет и прицелился одним плавным движением, почти забыв, что мозг его автоматически воспроизводит мгновенную координацию мышц и разума, необходимую при стрельбе из лука. Он держал пистолет перед собой на вытянутых руках, ладони сомкнуты, мускулы расслаблены, глаза почти закрыты. Он сделал один-единственный выстрел, и чело-
век, сидевший на каталке, завалился назад. Разум Бренана зафиксировал этот момент, словно мушку в янтаре. Он проиграл его чуть назад, до того, как человек упал, и увидел маленькую круглую черную дыру, появившуюся в центре лба убийцы.

– Господи! – выругался один из команды «скорой» и потянулся за чем-то, спрятанным под его халатом.

Теперь Бренан знал, что у него было много поводов для злости и что все они требовали обоснований. Он прострелил коленные чашечки обоих санитаров.

Тахион вскочил на ноги раньше, чем они упали на пол. Истеричный визг матери джокеров внезапно прекратился, и она рухнула в лужу крови своих детей. Бренан бросил взгляд на Тахиона.

– Велел ей заснуть, – коротко ответил маленький инопланетянин. Он стоял, и ярость искажала его утонченное лицо, превращая его в твердый, крепко сжатый кулак.

– Предки! В моей клинике. В моей клинике!

– Лучше посмотри, как там доктор Хавьеро, – сказал Бренан. – Кажется, она поймала пулю.

Хавьеро выпрямилась, когда Тахион ринулся к ней, и махнула рукой.

– Две, – сказала она с трудом. – Не страшно. Я в порядке.

Тахион притормозил на полпути и направился к истекающим кровью телам детей-джокеров. Бренан не тронулся с места. Он все еще видел внутренним взором, как пули прошивают их тела, и он знал, что шансов нет. Он пошел к Хавьеро. У нее было два ранения: в верхнюю часть руки и в икроножную мышцу. Пули не задели ни костей, ни крупных сосудов.

– Как вы это сделали? – спросил он, пока Тахион беспомощно переходил от тела к телу. Она перенесла вес на другую ногу и поморщилась.

– Фамильное везение, – ответила она.

Бренан кивнул. Подобное везение не помешало бы ему самому.

Приемная стала вдруг центром множества событий. Бренан знал, что ему нельзя терять время. Кто-то несомненно уже вызвал полицию, и когда они придут, его здесь быть не должно. Кроме того, это мог быть отвлекающий маневр. Возможно, настоящая атака прошла

через боковой вход, к грузовому лифту и выше, к охраняемой комнате на верхнем этаже клиники.

Он спокойно подошел к двум убийцам, все еще корчившимся у входа. Они выглядели не очень-то довольными. Бренан тоже был не слишком счастлив.

– Говори, – обратился он к тому, что говорил до этого.

– Я не знаю, я ничего не знаю, чувак.

– Как насчет раздробленного локтя вдобавок к твоему раздробленному колену? – спросил Бренан, целясь из браунинга.

– Нет, я клянусь, Христом Богом клянусь!

Бренан прицелился.

Киллер вскрикнул и зарыдал, но его крики не остановили Бренана. Это сделал Тахион.

– Он говорит правду, – сказал Тахион. Чужак казался измотанным, но не удивленным насилием, вдруг развернувшимся вокруг него. – Они наемники, наняты тем парнем на каталке, которого ты убил. А он уже ничего не скажет.

Бренан кивнул и убрал пистолет.

– Да, в некотором смысле не скажет, – ответил он. Присел над телом и сорвал с него рубашку, указав на грубую повязку, наложенную поверх левой лопатки. – Единственному из выживших во время нападения на мой дом я попал примерно сюда. Это была его вторая попытка. – Он встал, потянувшись в задний карман, и достал туза пик. Он бросил его на тело, и тот лег лицом вверх прямо на кровь, вытекающую из раны во лбу.

– Будет над чем подумать твоим друзьям-законникам, когда они наконец доберутся сюда из ближайшей закусочной, – сказал он и развернулся, чтобы идти.

– погоди минутку, – попросил Тахион. – Куда ты собрался?

Бренан вскинул взгляд.

– Проверить, как идут дела.

Тахион кивнул.

– Понимаю. Береги себя.

Бренан кивнул. Избегая шумного лифта, он пошел по лестнице на верхние этажи клиники. Коридор был темен и тих. Он вошел туда, словно крадущийся кот. Когда он вдруг распахнул дверь в комнату Дженифер, Отец Кальмар удивленно обернулся и уставился на него.

– Что за шум был там, внизу? – спросил священник.

– Еще одно нападение, – ответил Бренан кратко, пряча браунинг.

– Все в порядке?

Бренан покачал головой.

– Думаю, вы сейчас нужны там, Отец.

Священник перекрестился и бросился вон из комнаты.

След сидела на стуле у кровати Дженифер и выглядела словно живая статуя раненой женщины. Сама Дженифер была уже едва различима. Она была похожа на красивую прозрачную оболочку.

Бренан поморщился. Ей, очевидно, не стало лучше.

Он начал было говорить что-то, но След подняла взгляд и потеряла ладонями уставшие глаза. Затем она взглянула на Бренана.

– Я нашла ее, – сказала она вымученно. Она потеряна, испугана и скитается. Она не пойдет за мной обратно.

– Ты должна привести ее назад, – сказал Бренан.

След передернула плечами.

– Я не могу. Она мне не верит. – Она изучающе посмотрела на Бренана. – Но, возможно, ты сможешь. Если тебе достанет мужества.

Бренан начал было отвечать, но она подняла руку.

– Не спеши с ответом, – сказала она. – Я знаю, что ты крутой и смелый и все такое, но физическая смелость не имеет с этим ничего общего. – Она сжала губы и строго посмотрела на Бренана. – Когда на вас напали, твоя Дженифер была в фазе глубокого сна. Вместо того чтобы вернуться назад в тело, ее ум каким-то образом соскользнул в другую плоскость – другое измерение. Думаю, это как-то связано с природой ее способностей как туза: когда она теряет материальность, она каким-то образом перемещается в прилегающие измерения.

– И на этот раз, – сказал Бренан, – переместился только ее разум. Ее тело осталось тут, и она не может найти дорогу обратно.

– Верно, – сказала След.

– На что похоже это другое измерение? – спросил Бренан.

– Сейчас это просто серая пустота, но это потому, что сознание Дженифер дремлет. Как только пробудится ее мозг, все наполнится живыми архетипами, стоящими на страже ее разума.

Бренан нахмурился.

– Понятно. Более-менее. Но что в этом опасного?

– Как только ты войдешь в это измерение, оно наполнится живыми образами, символическими фигурами, порожденными твоим подсознанием. Осмелишься ли ты встретиться с ними лицом к лицу?

Бренан помедлил с ответом. Он не горел желанием близко знакомиться со скрытыми тайнами собственного подсознательного. Но выходило так, что у него не было выбора. Он кивнул.

След улыбнулась, но улыбка была невеселой.

– Хорошо, – сказала она. – Полагаю, мы скоро увидим, насколько ты храбр на самом деле.

* * *

Кьен встал, подошел к двери кабинета и закрыл ее, отрезая раздражающий звук биип-бууп-бап из предбанника, где Рик и Мик играли в донки-конга.

Кьен никогда не мог понять, зачем так убивать свое время, но оставлял ограниченными людям их развлечения. У него было над чем подумать помимо этого. Теперь в любой момент от Лао могут поступить известия о нападении на клинику. Если Бренан и этот высокомерный инопланетный ублюдок мертвы, отлично. Но Кьен предчувствовал, что все будет не так просто, что ему понадобится более искусная сеть, чтобы поймать их в ловушку. Затем, словно паук, он высосет из них все соки и отшвырнет их опустошенные тела, словно мусор.

Да, сказал он себе, откидываясь в кресле: ноги на стол, пальцы сцеплены за головой – хороший образ. Мне нравится. Я паук, огромный, могущественный императорский паук, который сидит в центре своей паутины, терпеливый и хитрый, чувствуя вибрации, создаваемые жалкими людишками, которые бьются, словно испуганные мухи, от нити к нити. Я выбираю одних, чтоб наградить, других, чтобы использовать и выбросить. Я прошел долгий путь от Вьетнама и лавчонки, которой владел мой отец.

Его отец, вдруг понял Кьен, частенько присутствовал в его голове в последнее время. Это было не похоже на него – столько думать о прошлом. Такие мысли не приводили ни к чему хорошему. Они не могли ничего изменить. И ничего хорошего в том, чтобы постоянно думать об умершем старике, тоже не было. Кьен нашел его убитым на грязном полу их магазинчика. Ребенком Кьен видел не так уж много. Он видел скудную еду и латаную одежду, и издевательства других детей в деревне – следствие как его бедности, так и его китайского происхождения. Но французские ублюдки, убившие его отца, забрали те небольшие деньги, что удалось скопить старику, вырыли сейф прямо из секретного места, в котором спрятал

его отец. Они ничего не оставили Кьену. Вот почему он вынужден был взять другое имя и уйти в город. Он не предавал свою семью. Он сделал для нее все, что мог...

Раздался какой-то звук, стук в дверь, и Кьен начал.

– Войдите, – сказал он.

Это были Рик и Мик.

– Пришли вести от человека из полиции, – сказал Рик.

– Он держал ушки на макушке, как вы и велели, – добавил Мик, – и выдвинулся на место, когда позвонили и сказали, что что-то происходит в клинике в Джокертауне.

– И? – подтолкнул Кьен.

Рик и Мик посмотрели друг на друга, и Кьен понял, что никто из них не хотел озвучивать дурные вести. Они подтолкнули друг друга пару раз, и наконец Рик начал.

– Лао мертв. Застрелен одним выстрелом в лоб. На его теле нашли туза пик.

Кьен стиснул зубы.

– А Бренан и Тахион?

Рик и Мик покачали головами.

– Не думаю, что они пострадали. Лао убил каких-то джокеров и джокера-старикашку. Он также ранил кого-то из докторов. Тахион все еще в клинике, но из того, что говорят свидетели, этот Бренан просто испарился. – Он прострелил колени тем парням, которых нанял Лао, и оставил их копам.

– Но они ничего не знают, – быстро добавил Мик.

– Они не Кулаки, они с тобой никак не связаны.

Они, казалось, ожидали вспышки ярости, но Кьен просто кивнул.

– Я учитывал такую возможность, – сказал он. – Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, – размышлял он вслух, – сделай это сам.

Он встал, сцепил руки за спиной и начал рассказывать по комнате.

– Тахион не проблема, – бормотал он. – Я могу разделаться с этим мелким придурком в любой момент. А вот Бренана мне нужно отследить как можно скорее. – Он пригвоздил Рика и Мика взглядом. – Куда бы он отправился после нападения?

Рик и Мик посмотрели друг на друга, потом снова на Кьена и пожали плечами.

– Он будет беспокоиться о своей сучке. Да. Его сентиментальность – лучшее, что в нем есть, и он бросился бы прямо к ней, чтоб убедиться, что она в порядке. – Он остановился, разглядывая трехъярусную стеклянную подставку, хранившую часть его сказочной коллекции древней и редкой китайской керамики. – Он сказал, что оставил ее в клинике, но он не стал бы размещать ее в открытой палате. Она должна быть где-то, где он считал бы, что она в безопасности. – Кьен прошел обратно к столу. – Где бы это могло быть? – Кто-то позади него чихнул.

– Будь здоров, – сказал Кьен автоматически.

– Я не чихал, босс, – сказал Рик.

– И я не чихал, – добавил Мик.

Кьен обернулся.

– Тогда кто это?

– Кажется, звук шел оттуда, – сказал Рик, указывая на вазу на среднем уровне стеклянной подставки.

Это была ваза периода Юн Чэн, покрытая зеленой глазурью по черному фону. Очень старая и невероятно редкая и по цвету, и по форме, она была одним из угловых камней коллекции Кьена. Он нахмурился, постоял немного, а потом двинулся обратно к стеклянной стойке. И заглянул в вазу.

Внутри сидел карлик, сморщенный, кожистый гомункул, кожа которого, казалось, была на пять размеров больше своего владельца. Обе его руки зажимали рот и нос в попытке

подавить еще один чих. Он вырвался наружу с насморчным призвуком. Карлик вытер нос рукой и уставился на огромное лицо, глядящее на него сверху вниз.

– Вот дерьмо, – сказал он.

5

Город горел, хотя пламени и не было видно.

Бренан никогда не чувствовал такого накала. Воздух искрился им. Он волнами поднимался от мостовой, лизал лицо, словно зловонный язык огромной задыхающейся твари. Он полз по телу, и ручейки пота бежали по спине и ногам. Если б он верил в Бога, он решил бы, что это ад. Он вспомнил девиз, вышивку, часто встречавшуюся на куртках, которые так нравились ветеранам Вьетнама: «Когда я умру, я отправлюсь в рай. Свой срок в аду я уже отбыл».

Может быть, это был и не ад, но это был город из худших кошмаров Бренана. Он двигался вдоль по аллее, переступая через пузырьки асфальта, вскипавшие на мостовой. Здания, окружавшие его, разрушались, улицы были переполнены разбросанным мусором. Это был город-призрак. На его запруженных мусором улицах не было никого, кроме Бренана.

Он вышел из переулочка и посмотрел вверх, на ржавый погнутый знак, свисавший с фонаря над головой. Генри-стрит, Хрустальный дворец. В таком случае, должно быть...

Бренан посмотрел вниз по улице и увидел его. Дворец все еще стоял на своем месте. А если дворец все еще стоял... Бренан обнаружил, что его несет по улице, словно беспомощного моряка – на кишасшие сиренами скалы.

Дверь дворца не была заперта. Внутри было темно и прохладно. Бренан почувствовал дрожь, пробежавшую по телу, когда пот, покрывавший его, внезапно испарился, оставив холодный и липкий след.

Может быть, прохладный воздух дворца вызвал эту дрожь. Может быть, это была она сама, сидящая за своим обычным столом в своем обычном кресле с высокой спинкой, едва видимая в темноте, со своим обычным бокалом «Амаретто» под рукой.

– Хризалис, – прошептал Бренан.

Она посмотрела на него. Выражение ее бесплотного лица было непроницаемым, как и всегда. Хризалис была женщиной из плоти и крови, но ее кожа и плоть были невидимы, мышцы едва угадывались. Некоторые находили это отвратительным, но Бренан восхищался ею.

– Это действительно ты? – спросил он.

– Кто еще мог бы сидеть здесь в этом теле и пить «Амаретто» из хрустального бокала? – спросил призрак.

Бренан покачал головой. Она не ответила на вопрос. Возможно, правила, царящие в этом искаженном измерении, не позволяли ей сделать это. Или ей нельзя было отвечать четко согласно правилам, которые установило его собственное подсознание.

– Ты знала обо всем, что происходит в Джокертауне, – сказал Бренан. – А как насчет этого места?

– Я знаю тебя, – ответила она. – Я знаю кое-что о том, что происходит в твоей голове.

– Ты можешь помочь мне? – спросил он. – Можешь помочь мне найти Дженифер?

Если призрака и расстроило упоминание соперницы, она этого не показала.

– Посмотри в суть вещей, – сказала она ему. – Ты увидишь: то, что тебе особенно дорого, – в руках твоего злейшего врага. Но будь осторожен. Ты не один в этом мире.

– Это место, – спросил он ее, – реально?

– Мне оно кажется достаточно реальным, – ответила она.

– Мне тоже, – сказал Бренан тихо. Он помедлил. Хотел прикоснуться к ней, но откуда-то знал, что это не очень хорошая идея. Он боялся, что она растает как дым. Хуже того, он боялся, что почувствует живое тепло настоящей плоти. – Мне надо идти, – сказал он наконец.

Хризалис кивнула.

– Еще один квест, – сказала она, когда Бренан развернулся, чтобы уйти. – Будь осторожен, мой стрелок. Будь очень, очень осторожен.

Бренану показалось, что она погрузнела, но не было ничего, чем он мог бы утешить ее грусть. Он просто забрал ее с собой, покидая дворец в последний раз.

Солнце снаружи светило так ярко, что он сморгнул под его взглядом. Не стало ничуть прохладнее, и он вспотел за то короткое время, что стоял у дворца, обдумывая следующий шаг.

Если следовать совету Хризалис, он должен найти «суть вещей». Это, к сожалению, было довольно туманное описание. Он смотрел на улицу, думая об этом, и вдруг увидел, что другая часть пророчества Хризалис – правда.

Он был не один.

На улице были люди. Большинство было одето в синие сатиновые куртки Безупречных или носили маски Оборотней. Он стояли по одному или в маленьких группах перед ним, за ним, вокруг него.

Бренан потянулся за браунингом, спрятанным в кобуре за спиной, но не нашел его. Его пистолет, казалось, не прошел в этот мир вместе с ним. Затем он вдруг понял, что это не важно, есть ли у него пистолет.

Все люди, окружавшие его, были уже мертвы.

Все они истекали кровью. У всех были открытые раны. Большинство было пронзено стрелами в грудь, горло, спину, глаз. Их лица, Бренан наблюдал за ними по мере приближения, все казались знакомыми, и он понял, что это были те люди, которых он убил, вернувшись в город.

Их было много.

Бренан застыл, не зная, что ему делать дальше, а мертвецы приближались. Бренан вдруг уловил краем глаза внезапное движение, проблеск. Он развернулся, чтобы стоять лицом к нему, и увидел мерзко ухмыляющегося человека с ужасным татуированным лицом, подошедшего на расстояние вытянутой руки.

Это был Шрам, туз с возможностью телепортации и лидер банды, которого Бренан убил, впервые приехав в город. Лицо Шрама было татуировано черными и белыми завитушками – знаками Каннибалов, Охотников за головами. Он был садистом, который использовал свою силу, чтобы медленно резать своих жертв опасной бритвой.

– Я вернулся, мудака, – сказал он жутким шепотом, вырывавшимся через горло, которое Бренан перерезал тетивой лука. – И в этот раз я не один. – Он указал на компанию мертвецов, медленно окружавших их посреди раскаленного пекла.

– Тебе они понадобятся, – сказал Бренан с уверенностью, которой не испытывал совершенно. – Я уже убил тебя однажды.

Шрам зашипел в ярости и пропал, чтоб появиться прямо перед лицом Бренана. Он полоснул его опасной бритвой. Бренан нырнул и заблокировал удар, но бритва уже прошла по его груди, вспоров пропитанную потом футболку и плоть под ней. Шрам пропал, затем вновь появился в полудюжине футов от Бренана.

– Время поиграть, – сказал туз-садист.

Бренан почувствовал, как течет, смешиваясь с потом, кровь, и внезапно понял, что может умереть в этом месте. Он быстро оглянулся, заметил узкий просвет между двумя мертвыми Цаплями, приближавшимися к нему, и ринулся туда. Он перехватил руку того, который пытался его достать, и вырвался наружу.

– Беги, ублюдок, беги! – закричал Шрам в безумном восторге. – Тебе никогда не сбежать, никогда! Ты мертвечина, тухлая мертвечина!

Бренан бежал, мертвецы преследовали его, Шрам смотрел и смеялся жутким сиплым смехом.

Рик и Мик держали банку из-под маринованных огурцов и пристально посмотрели внутрь. Брут смотрел в ответ, сиротливо прижавшись к стеклу распухшим, покрытым синяками лицом. Кровь текла из его носа, и он безуспешно пытался уберечь свою сломанную правую руку, когда Рик встряхнул банку и смотрел, как джокер перекачивается от стенки к стенке.

– Почему вы взяли этого выродка с собой? – спросил он Кьена.

Кьен, ведший машину сквозь шквал крупных снежинок, взглянул на него.

– По большому счету как сосуд для души капитана Бренана. После того как мы схватим его, я велю нашим друзьям джамперам переместить меня в его тело, а его – в это создание.

– Круто, – сказал Рик. Он еще раз встряхнул банку.

– Лучше сними крышку и дай ему немного воздуха, – сказал Мик. – Он начинает синеть.

Кьен усмехнулся снисходительно и вновь переключил внимание на улицу. Кьен не любил водить машину, еще больше он не любил водить машину в снежный шторм, но сейчас он не хотел никого постороннего. Когда все закончится, у него будет новое тело, новая личность, и никто из живых не будет знать об этом. Ни джамперы, которые выполняют перемещение. Ни даже Рик и Мик. Он посмотрел на уродцев, мучающих маленького беспомощного джокера. Они получали почти такое же удовольствие, когда пытали его, чтоб он сказал им, где в клинике держат Дженифер.

Они были по-своему полезны, но Кьен знал, что не станет скучать по ним. Настало время инвестировать в помощников высшего уровня.

Кьен припарковался на стоянке у клиники, рядом с фургончиком с надписью «Ландшафтный дизайн и сады Арчера». Понадобилось несколько месяцев работы детектива, чтобы отследить Бренана и его шлюху, но не было ничего невозможного для Кьена. Ничего.

– Хорошо. Ждите, пока я за вами не пошлю. Потом принесите вашего приятеля, – сказал Кьен, указывая на банку из-под огурцов.

Рик поднял и вновь встряхнул ее, когда Кьен выскользнул из машины. Кьен будет скучать по будоражающим нервы возможностям туза, когда он покинет это тело. Он исчез, оставив только глаза – потребовалась некоторая практика, чтобы понять, когда он исчезает полностью, он становится слеп, – и двинулся сквозь снег, словно анимированный силуэт. Он прошел вплоть до незапертого служебного входа на заднем дворе клиники и тихо проскользнул внутрь. Остановился на минуту, пытаясь сориентироваться, затем направился в ту палату на верхнем этаже, о которой рассказал ему жалкий джокер.

Было легко исчезнуть полностью всякий раз, как он видел приближающуюся медсестру или санитару, и вернуться обратно, когда шаги их стихали. Никто не видел его. Дверь в палату была закрыта. Кьен посмотрел сквозь маленькое окошко, расположенное высоко в усиленной двери и увидел шлюху Бренана, лежавшую на постели. Голова ее была перевязана. Огромный священник джокер, Отец Кальмар, стоял рядом. Кто-то сидел на стуле за священником, но священник стоял так, что Кьен не мог разглядеть его. Или ее.

Оба они сосредоточили внимание на сучке Бренана. Кьен вынул пистолет из кармана пальто и распахнул дверь настежь.

– Тихо, – сказал он властным голосом, – и я сохраню вам жизнь на какое-то время.

Священник обернулся и уставился на него. Кьен проявил пистолет так, чтобы его было видно.

– Не делайте глупостей, – сказал Кьен, и священник послушно замер. Выражение отвратительного лица джокера оставалось непроницаемым. – Отойди назад. Медленно. И помни, я не побоюсь выстрелить.

– Сделай это, – сказал джокер-священник. – Это Исчезник, из Призрачного кулака. Он действительно выстрелит.

– Ты прав, – сказал Кьен и громко рассмеялся, – но ты ошибаешься. Очень сильно ошибаешься.

Кажется, больше не было нужды оставаться невидимым. Кьен проявился, когда священник отступил от кровати, и тот, кто сидел на стуле, поднял взгляд.

Кьен вытаращился во все глаза. Это был азиат, седой и сморщенный, с редкой козлиной бородкой. Он был одет в потертую и залатанную одежду. Это был его отец.

Рука Кьена дрожала, когда он навел на него пистолет.

– Что за сын, – сказал его отец тем привычным тоном, который Кьен ненавидел.

Старик печально покачал головой, и Кьен начал медленно опускать пистолет. Это трюк, подумал он внезапно. Это, должно быть, трюк. Он снова поднял дуло, дрожащие пальцы играли на спусковом крючке.

– Ты кто? – спросил Кьен.

Его отец вновь печально затряс головой.

– Что за скверный ребенок, который не признает своего отца, Сян Юй? – сказал призрак.

– Чего ты от меня хочешь? – закричал Кьен, напуганный тем, что призрак назвал его настоящее имя.

Его отец покачал головой.

– Только должного уважения. За это, – продолжил он, – я дам тебе подарок. Твое величайшее, заветное желание.

– Ты о чем? – спросил Кьен дрожащим голосом.

– Хочешь голову Дэниеля Бренана? – промурлыкал его отец.

Взгляд Кьена обезумел.

– Ты знаешь, что хочу.

– Тогда ты ее получишь, – сказал ему его отец. – Если, – добавил он дьявольским голосом, – ты мужчина настолько, чтобы взять ее самому.

Его отец указал на другую сторону кровати. Кьен осторожно склонился вперед, заглядывая за кровать, и увидел Бренана, спящего на полу.

Волчья улыбка заиграла на его губах.

– Это огромный подарок, отец, – сказал он, направляя пистолет на Бренана.

Его отец покачал головой.

– Ты всегда хотел, чтоб все доставалось тебе просто так, сынок, – сказал он.

Кьен взглянул на него, но прежде чем он успел что-то сказать, его скрутило от дикой, мучительной боли. Кьен почувствовал, как его разум затягивает в безумный вихрь. Он закрыл глаза, но это ему не помогло. Его тянуло блевать, но он не мог. Он сглотнул комок желчи, и когда снова открыл глаза, то рванулся вперед, чтоб не упасть, опершись о большой стол тикового дерева, стоявший в его кабинете, в доме, выходящем на Центральный парк.

Он глубоко вздохнул, борясь с приступами тошноты, все еще накатывавшими из глубин желудка, и огляделся. Это был его кабинет, точно. Все выглядело как обычно. И его коллекция античного искусства была на месте, и вся его дорогая мебель, отполированная и неповрежденная, даже поверхность тикового стола, ужасно пострадавшая во время его псевдосмерти, когда этот идиот Блез пригвоздил охранника джокера канцелярским ножом к столешнице.

Он задумчиво провел рукой по столу, отполированному так, что он мог видеть в нем свое отражение. Склонился, чтобы рассмотреть получше, пробормотал что-то под нос, когда понял, что вернулся в свое старое тело. Он снова был Кьеном. Он посмотрел на свою правую

руку, обхватил ее левой рукой, рассмеялся коротко и с облегчением. По крайней мере у него было две руки. Затем он вытаращился на открывшуюся дверь.

Там стоял Змей. Но этого не могло быть. Змей был мертв. Он и выглядел мертвым, вдруг понял Кьен, а еще упитым в хлам.

– Я был твоим верным сссслугой, – прошипел чешуйчатый джокер-рептилоид, – и я умер изззззз-зззззз твоих сссссхем.

– Это была не моя вина, – запротестовал Кьен.

Он все еще отказывался верить в то, что перед ним стоял Змей, хотя очевидность этого трудно было игнорировать. Он выглядел как Змей, говорил как Змей и даже мог похвастаться большой уродливой раной в горле, там, где Исчезник нанес удар канцелярским ножом, убившим охранника.

– Тебя убил Исчезник, – добавил Кьен.

Змей приблизился, все еще глядя со злобой, и Кьен отошел назад, за стол. Змей был нечеловечески силен, а его укус был крайне ядовит. Кьен знал, что среди джокеров ему не было равных.

– Я умер, – яростно прошипел Змей, – потомушшшшшшшшты ты не был так же верен мне, как я был верен тебе. – Он навис над Кьеном как образ самой смерти, и генерал скукожился. Кьен представил себе, как челюсти Змея смыкаются безжалостно на его горле.

– Нет, – едва выговорил он. – Нет, – повторил он, закрывая лицо руками.

Змей отступил, ухмыляясь.

– Ты встретишь свою судьбу не в моих руках, – сказал он, сжимая и разжимая огромные кулаки. – Все случится там, – он указал в окно, выходящее на Центральный парк.

Кьен с опаской вышел из-за стола и выглянул наружу. Центральный парк исчез. На его месте раскинулись густые, непроходимые джунгли.

Прямо как дома, подумал Кьен. Прямо как во Вьетнаме.

6

Бренан бежал, преследуемый мертвыми людьми и маниакальным смехом Шрама.

Шрам играл с ним, понял Бренан. Туз с возможностью телепортации мог появиться рядом в любой момент, но, очевидно, хотел заставить Бренана страдать, прежде чем разделаться с ним. Он мерцал, появляясь то перед Бренаном, то прямо за ним, опасно взмахивая своей бритвой. Иногда Бренану удавалось уклониться или поставить блок, иногда он пропускал удар. Его рубашка превратилась в клочья, и за ним тянулся неровный кровавый след, подгонявший мертвецов бежать быстрее.

Даже если бы не было Шрама, вокруг оставалось слишком много тех, с кем требовалось разделаться. Ему нужна была помощь и нужно было оружие, а еще лучше и то и другое. Но улицы, по которым он бежал, оставались пустынными, разрушающиеся здания — темными и пустыми.

Бренан был в прекрасной физической форме, но его преследователи вообще не устали. Он знал, что не сможет бежать вечно. Когда-нибудь он упадет, истощенный, и тогда его враги расправятся с ним без труда. Ему надо было как-то избавиться от погони, что казалось маловероятным, или хотя бы разработать тактику борьбы с малыми группами.

Знакомое здание привлекло его взгляд, когда он бежал вверх по улице, хватая ртом раскаленный воздух. Горло его пересохло, а сердце начало бухать в ребра. Это был знаменитый Десятицентовый музей Джокертауна. Внутри было прохладно и темно и существовало множество укрытий.

Он взбежал по лестнице, на двадцать ярдов опередив своего ближайшего преследователя, и вломился в центральный вход. Тот распахнулся настежь, и прохладное темное нутро музея поманило его. Он бросился внутрь и припал спиной к стене, чтобы перевести дыхание, прежде чем идти дальше.

Он огляделся, увидев знакомые экспонаты, стену чудовищных заспиртованных в банках младенцев-джокеров и диораму из четырех тузов: Землю, сражающуюся против Роя; убийц Кьена, нападающих на него и Анну-Марию. Бренан остановился пораженный. Конечно же в настоящем Десятицентовом музее такой экспозиции не было, но этот музей и не был настоящим. Эта его версия была вызвана из глубин подсознания Бренана и была наполнена архетипами и образами, довлевшими над его психикой на протяжении многих лет.

Он пошел к следующей экспозиции. Это было Падение Сайгона, воссозданное во всей своей непринужденной жестокости. Бренан на переднем плане, срывающий свои капитанские нашивки и уходящий прочь. Какая-то сцена какой-то забытой стычки в какой-то забытой азиатской стране, случившейся в годы его наемничества. Упражнения в стрельбе из лука в буддийском храме, и его наставник Ишида, наблюдающий за ним. А вот Бренан после возвращения в Штаты, в ресторане Мина. Он прибыл слишком поздно, и ему оставалось лишь отомстить за смерть своего товарища от рук Безупречных Цапел. Вот Бренан, встречающий Хризалис, Бренан, сражающийся с Роем, Бренан и Дженифер.

Он бродил в оцепенении. Последний экспонат замкнул круг времени и истории, и он обнаружил, что стоит, глядя на диораму, похожую, так похожую на первую, увиденную им. Убийцы Кьена вламывались в дом, но на этот раз в луже крови лежала Дженифер, а не Анна-Мария.

Я обречен, подумал Бренан, снова и снова проходить круг смерти, и это несмотря на лучшие мои намерения? Неужели разрушение и насилие всегда будут преследовать меня, словно злобные цепные псы, которых я никогда не смогу приручить? Он протянул руку к восковой фигурке Дженифер на последней диораме, но внезапный звук заставил его остановиться и оглянуться.

Шрам стоял во главе своры мертвецов и лыбился как идиот.

– Ты думаешь, ты такой умный? – сказал насмешливо Шрам. – Мы знали, что ты брошишься сюда. – Он оглянулся и указал на диораму, которой Бренан не заметил. – Хочешь увидеть будущее, мудака? Посмотри сюда.

Там Бренан лежал окровавленный и разорванный на части, Шрам сидел на его груди, держа в одной руке бритву, а в другой – его сердце.

Бренан развернулся к тузу-садисту и мириадам пар сверкающих, немигающих глаз всех тех людей, что Бренан убил, вернувшись в город. Некуда было бежать, некуда скрыться.

– Посмотрим, – сказал он, – может ли мертвец умереть дважды.

Шрам оскалился, поднял бритву и исчез. Он проявился за три фута справа от Бренана. Бренан двинулся было на перехват, но что-то помешало ему.

Что-то появившееся из тени за спиной Бренана, быстрое как кошка, ударило Шрама чем-то деревянным. Удар пришелся Шраму в горло, и тот отшатнулся, широко распахнув глаза и хватая воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба. Он уронил свою бритву, упал на колени и, как и Бренан, уставился на незнакомца.

Это был молодой человек, подросток. Он был ниже Бренана, тонкокостный, но мускулистый. Он был одет в черные брюки и черные туфли и держал бо², словно мастер боевых искусств.

Шрам смотрел на вновь прибывшего и Бренана с ненавистью в обезумевших глазах. Он выдохнул так, будто это был его последний вздох: «Снова» – и рухнул на пол, вцепившись руками в разбитое горло.

Ропот поднялся среди мертвецов, когда молодой человек заговорил.

– Вы знаете, кто я, – сказал он мягким, юным голосом. – Вы знаете, что я буду драться за этого человека. Так же, – добавил он, указав посохом, – как и остальные.

Мертвецы посмотрели в темноту зала, и Бренан сделал то же. Губы его шевелились, но он был слишком поражен, чтобы говорить. Там был старый товарищ Следопыт Тигр Мин со своей дочерью Май, принесший себя в жертву, чтобы земля была свободна от Роя. Там был сержант Галковский и его отряд из Японии. Там была Хризалис с сонмом карликов у ног.

Мертвецы все еще превосходили их числом, но шпана и задиры, чем они и были на самом деле, не горели желанием драться. Бренан пораженно наблюдал, как они медленно подались назад, покуда не исчезли в темноте. Затем он развернулся. Все его старые друзья и соратники исчезли, все, за исключением юноши, стоявшего перед ним.

– Кто ты? – спросил Бренан тихо.

Юноша не ответил, но обернулся, впервые посмотрев Бренану прямо в лицо. Бренан вглядывался в него и думал. Боже мой, у него глаза Анны-Марии. Тот улыбнулся, и это была улыбка Анны-Марии.

– Ты реален? – прошептал Бренан.

– Так же реален, как был бы, если бы все пошло иначе, – он оперся о посох, все еще улыбаясь. – Идем, – сказал он, – время найти суть вещей. Все ждут.

Бренан кивнул. Он много чего хотел бы спросить у мальчика, но остановил себя. Иногда, подумал он, лучше не задавать вопросов. Некоторые вещи лучше просто принять.

Они покинули музей в молчании. Когда его сопровождал мальчик, город больше не казался таким убийственно жарким, таким ужасно разрушенным. Бренан замечал признаки жизни: зеленые ростки, пробивающиеся сквозь камни мостовой, прохладный ветерок, пробегающий по улицам.

² Посох из дерева или бамбука.

Казалось, они шли долго, но Бренан не возражал. Чем дальше они шли, тем больше он успокаивался. Они направлялись, наконец понял он, в Центральный парк. Конечно. Суть всего.

Только там не было того Центрального парка, который был знаком Бренану. Это были джунгли, будто бы вынутые из Центральной Азии и пересаженные в нагретый Бренаном Манхэттен. Бренан и мальчик остановились у края джунглей.

– Дальше ты должен идти один, – сказал ему мальчик.

Бренан кивнул.

– Спасибо, – сказал он, – за помощь и компанию. Я увижу тебя еще когда-нибудь?

– Все возможно. – Мальчик пожал плечами.

Бренан снова кивнул. Он распахнул руки. Мальчик подошел, и они крепко обнялись. Бренан поцеловал его в макушку и отступил. Мальчик улыбнулся и, крутанув посох, ушел, растворившись в волнах жара, поднимающихся от мостовой тлеющего города. Бренан смотрел ему вслед, пока он не пропал окончательно, а затем углубился в джунгли.

Кьен ненавидел джунгли. Он всегда ненавидел джунгли. В душе он был горожанином. Он любил кондиционированный воздух, кубики льда в стакане и здания с полом и потолком. В джунглях все это отсутствовало напрочь.

Но Змей сказал ему, что судьба его была здесь, и он не собирался спорить с мертвым джокером. Как только он достиг джунглей, он ступил на странно знакомую тропинку. Он почти знал, куда она приведет его, едва только увидел ее, так что он не слишком удивился, когда вышел к деревне, в которой провел все свое детство. Это казалось странным, но сейчас Кьена ничто не могло удивить. Он принял это, как принял все странности этого места, но он пошел к деревне со всеми возможными предосторожностями, поскольку был уверен: здесь можно умереть так же просто, как и в реальном мире.

Деревня казалась пустынной. Он направился прямо к грязному магазинчику, принадлежавшему его отцу. Он провел здесь столько времени, когда был ребенком!

Его отец, подумал Кьен, был таким лицемером. Всегда плакал и причитал, как плохо им живется. Он едва ли покупал приличную еду для стола, его дети не носили приличной одежды. То, что он рос китайцем среди чертовых вьетнамцев, уже было достаточно плохо. Но еще хуже было носить истрепанную, залатанную одежду, над которой смеялась вся деревенская школа. Но ведь у них были, вспоминал Кьен, приближаясь к деревне, деньги. Да. Отец Кьена был не только предприимчивым торговцем, ведущим дела со всей деревней, он заведовал и черным рынком. Он продавал оружие, амуницию и медикаменты повстанцам, сражающимся с французами, и все это он продавал по высокой цене.

Кьен вошел в темное нутро магазина. У старого папаши было много денег. На самом деле Кьен знал, где этот скупердяй их хранит – зарытыми под грудой дешевых соломенных матрасов в тайнике, устроенном в грязном полу магазинчика. Прямо здесь.

Когда Кьен посмотрел на это место, его охватил тот же порыв, что уже однажды овладел им тридцать пять лет назад. Он схватил остро отточенную мотыгу из тех, что висели на стене, и отбросил матрасы в сторону. Он начал неистово, резко врезаться в прохладную, слегка влажную почву в диком горячем приступе. В считанные секунды он вырыл яму в два фута глубиной, и мотыга ткнулась во что-то, издавшее характерный металлический звук. Он выронил мотыгу, принялся руками сгребать грязь и вытащил металлический сейф, полный несказанных богатств.

– Ты! – голос звенел от ярости.

Кьен затравленно оглянулся через плечо. Это был старикан.

– Что ты тут делаешь? Что ты делаешь тут с моей коробкой?

– Я, – Кьен растерялся от мельтешения воспоминаний, развернувшихся перед ним.

– Мой сын – вор, – сказал старик надменно. Он поднял трость, которую всегда носил с собой, и резко ударил Кьена по плечу. Кьен пригнулся, словно черепаха, прячущаяся в панцирь, и снес удар, как он всегда это делал.

Старый папаша бил его снова и снова, и что-то в Кьене надломилось. Он завопил от ярости и боли, протянул руку и схватил что-то, оказавшееся рядом, и бешено ударил отца. Он испытал шок, когда почувствовал, как удар отозвался в его руке, а его отец прекратил его избивать. Он открыл глаза и увидел правду, которую он прятал за многочисленными покровами изощренной лжи. Он увидел лезвие мотыги в центре отцовского лба. Старик смотрел на него с удивлением в уже потухших глазах.

Он был мертв. Кьен убил его. Теперь оставалось лишь одно. Ему надо было бежать. Ему нужны были деньги. Он осторожно потянулся к холодеющему трупу и снял ключ, который старик носил на шее. Он положил ключ в карман и схватил сейф под мышку. Тот был тяжел, достаточно тяжел, чтобы купить ему новую жизнь и новое имя в Сайгоне. Наконец-то он сможет выбраться из джунглей.

Он кинулся вон из магазинчика и столкнулся лицом к лицу с Дэниелом Бренаном. Они стояли и смотрели друг на друга, как враги, которыми они и были.

– Что ты тут делаешь? – прорычал Кьен.

– Ищу кое-что, что ты украл у меня, – сказал Бренан. Его взгляд переходил с лица Кьена на металлическую коробку, и он вспомнил, что сказала ему Хризалис, когда он впервые попал в это странное место.

Кьен тоже посмотрел на коробку.

– Это мое, – сказал он. – Я взял это, чтобы купить себе новую жизнь.

Бренан покачал головой.

– Это средства для моей новой жизни, – сказал он, наступая.

Кьен затравленно оглянулся, но бежать было некуда. Он попытался проскочить мимо Бренана, но тот был слишком быстр для него. Они вцепились в коробку, и та упала наземь, лопнув, словно перезрелый арбуз. Золотой свет ударил изнутри так ярко, что почти ослепил обоих мужчин.

Они прикрыли глаза руками и уставились на высокую стройную фигуру, выступившую из света. Это была Дженифер Малой, обнаженная, красивая и живая.

Она огляделась изумленно, затем увидела Бренана. Они бросились друг к другу и обнялись, пока Кьен ползал среди осколков сейфа, рыдая, словно потерявшийся ребенок. Бренан обнял и поцеловал Дженифер, желая никогда не отпускать ее больше, но вскоре ему пришлось разжать объятия, чтобы сделать вдох.

– Я потерялась, и мне было так страшно, – сказала она. – Я не могла найти дорогу к тебе.

Бренан поправил ее волосы и улыбнулся.

– Теперь все кончено, – сказал он. – Идем домой.

Дженифер оглянулась в изумлении и наконец обратила взгляд на Кьена, сидящего над осколками разбитого сейфа, словно сломанный человек.

– А как насчет него? – спросила она.

Бренан чувствовал абсолютную безмятежность. Это удивило его. Вся злость и ненависть выгорели, возможно, от радости обретения Дженифер. Он размыслил минуту, не мог ли он как-то, неким невероятным образом достичь просветления, конечной цели дзен-буддизма на пути к полному самосознанию, затем отменил эту мысль как безосновательную. Едва ли он заслуживал просветления.

– Не знаю, – сказал он. – Может быть, нам стоит просто оставить его.

Впервые за все время Кьен поднял взгляд.

– Оставить меня? Здесь?

Взгляд Бренана был холоден.

– Почему нет?

Кьен вскочил и бросился на Бренана. Тот встретил его яростную атаку спокойно и отрезанно, он просто отпихнул его в сторону, и Кьен упал, тяжело дыша, наземь.

Бренан оглянулся.

– Кажется это не самое худшее место, – сказал он. – Ты заслуживаешь и похуже.

– Джунгли? – вскричал Кьен, дико оглядываясь вокруг. – Ты не знаешь, на что я пошел, чтобы сбежать отсюда! Не оставляй меня здесь!

Отчаяние в голосе Кьена было почти достаточным, чтоб пробудить в Бренане жалость. Почти. Но он мало что мог уже сделать. И он, и Дженифер начали постепенно исчезать, или эта странная вселенная, симулякр, построенный из кусочков воспоминаний Бренана, сцепленных цементом его психики, начала исчезать. Никогда нельзя знать наверняка.

Но они услышали крик Кьена:

– Не оставляйте меня здесь навсегда, – и он повторялся снова и снова, словно пронзительный плач, – навсегда, навсегда, навсегда... – будто осужденный, оспаривающий окончательный приговор.

Затем все стихло.

7

Бренан открыл глаза, энергично потер их, а потом встал и обеспокоенно склонился над Дженифер. Ее веки дрогнули, потом открылись, и она улыбнулась. Бренан не знал, плакать ему или смеяться. Он склонился и крепко обнял ее.

Только после этого он обернулся и оглядел комнату.

Отец Кальмар смотрел на них широко распахнутыми глазами.

Тело Кьена – тело Исчезника – лежало на полу, и слюна текла из уголка рта. Дверь в комнату внезапно распахнулась, и на пороге появились Рик и Мик, под мышкой Рик держал большую банку.

– О'кей, босс, – сказал Рик. – Вот и мы.

Они остановились, огляделись, посмотрели друг на друга и сказали в унисон:

– Ох.

– Нас надули, – добавил Мик. – С боссом что-то не так.

– Давай убираться отсюда, – сказал Мик. Они бросились вон из палаты и уронили стеклянную банку. Та разбилась.

Бренан бросился было догонять их, но замер, увидев Брута среди осколков. Карлик был весь в крови и измучен. Бренан бросился к нему и упал на колени. Он протянул руку, но не осмелился коснуться его. Он знал, что не сможет ничего сделать, чтобы залечить раны, нанесенные его другу.

Брут взглянул на него, едва в состоянии открыть опухшие, в синяках глаза.

– Простите, мне пришлось сказать им, где вы, босс, но кажется, это сработало.

– Сработало, – сказал Бренан тихо.

– Дженифер вернулась?

Бренан глянул туда, где Дженифер опускалась на колени рядом с ним.

– Ты все сделал правильно, Брут, – сказала она.

– Хорошо, – его крохотное тельце скрутило приступом кашля, и он откинулся на осколки стекла. – Это дьявольски неудобно, – сказал он, закрывая глаза.

Бренан вздохнул и сел на пятки. Дженифер взяла его за руку и опустила голову на плечо, пока Отец Кальмар крестился и быстро читал отходную.

– Ты отлично справился, – раздался голос, и Бренан поднял взгляд, чтобы увидеть След, стоящую над ним и Дженифер. – Доволен?

Бренан посмотрел на нее, прежде чем ответить. Она была юной девушкой – стройной, темноглазой, с высокими скулами и раскосыми глазами. Он не знал, кто она теперь, но потом вспомнил. Это была его мать, умершая, когда Бренан был еще совсем мал. Он не помнил ее, только нежные руки и тихие песни на испанском и на языке мескалеро³.

Бренан почувствовал, что не испытывает благодарности. Он получил назад Дженифер. Но он смотрел вниз, на растерзанное тело Брута, и знал, что мир все так же полон неисчислимых страданий и несправедливости и, что бы он ни сделал, он не сможет изменить это.

След покачала головой.

– Тебе очень трудно угодить, – сказала она мягко.

– Думаю, да, – признал он. – Это ты надула джокеров, принесших сюда Брута?

– Это было просто, – сказала След. – Все, что я делаю, очень просто.

– Насколько ты присутствовала в том месте, – спросил Бренан, – и на сколько оно было реально?

– Ты так и не усвоил урок о реальности? – спросила След.

³ Индейское атабаскоязычное племя в США. Входит в состав народа апачи.

– Не знаю, – ответил Бренан. – Мне лишь хотелось бы, чтоб он не был таким трудным.

– Он настолько труден, насколько ты сделал его таким, – сказала След голосом его матери. – Иногда ничего невозможно сделать, чтоб он стал легче. Иногда возможно.

Дверь распахнулась, и в палату влетел доктор Тахион.

– Что происходит? – требовательно спросил он. – Люди видели, как отсюда выбежал странный джокер...

Он осмотрелся вокруг, искренне озадаченный.

– Что я пропустил?

Бренан посмотрел на него. Пришла пора сделать некоторые вещи проще. Он подошел к Тахиону и пожал ему руку.

– Конец одной эпохи, старый друг, и начало новой.

Стивен Лей Искушение Иеронима Блоута

II

У меня есть сон.

На самом деле у меня их несколько. Полагаю, именно это выгодно отличает правителя-подростка от старого короля, верно? Они очень странные, мои сны: гораздо более бескомпромиссные и сюрреалистические, чем те, что посещали меня до того, как по мне ударил вирус дикой карты. Но после этого я полюбил художников, способных выворачивать реальность наизнанку и создавать свои собственные миры: Дали, Босх, Шагал.

Прошлой ночью я опять видел сон.

Дело было в административном здании (а где еще это могло случиться, а?). Но это старое место изменилось. Камень и кирпич обернулись стеклом. Это был прекрасный, хрустально-прозрачный дворец, из недр которого я вновь мог видеть мир. Солнечный свет падал на него и расплескивался радугой.

Я тоже изменился. Я был кем-то другим. Не Блоутом. Я стоял на своих ногах, и мое тело было восхитительным, мускулистым чудом. Келли, блистательная и манящая, как сказочная принцесса, стояла рядом. Ее мысли уже не источали жалость, но были полны любви и доверия ко мне. Вместе мы шли по дворцу, удивляясь его красоте.

Кафка в холле преклонил колени при нашем приближении, он подключал тот генератор, на необходимости которого он продолжает настаивать. Провода под напряжением опутывали его всего.

Затем я заметил, что яркий свет сыграл со мной шутку. Это были не провода. Холл был переполнен джокерами, они стояли вплотную друг к другу. Они кричали мне и махали руками и тентаклями, и нитями, и антеннами и продолжали кричать: «Здесь нет места! Здесь больше нет места!»

Я выглянул наружу и увидел это – о боже мой! – они были правы. Из окна я видел, что весь Рокс стал таким – живым, колышущимся ковром из джокеров, протянувшимся от края до края, вплоть до маслянистых волн залива.

Я закричал им всем. Мой голос был голосом короля, глубоким и чарующим. А не ломающимся голосом мальчика-подростка, каким он был на самом деле.

– Я создам для вас новый дом! – сказал я им. – Я сделаю это для вас!

Келли захлопала в ладоши. Джокеры кричали, ликуя.

Но Кафка взглянул на меня из-за генератора.

– Они тебе не позволят, – сказал он мягко.

Толпа джокеров взревела, соглашаясь. Я знал, что это те самые, извечные для джокеров «они» – натуралы, которые ненавидят нас, и тузы-ренегаты, ставшие оружием против своих же.

– Моя Стена держит их на расстоянии, – убежденно сказал я, кивнув. Кафка вздохнул.

Вдруг я почувствовал озноб. Поднял взгляд и увидел, что крыша здания исчезла. Выше зимний ветер швырял пригоршни грязного мокрого снега из скученных, стремительно мчащихся облаков. Снег собирался в сугробы вокруг, падал на мое огромное тело – я снова стал Блоутом. Келли, с отвращением на лице, вбежала в холл. Я испугался. Я почувствовал себя более беспомощным, чем когда-либо, я ведь знал, что Стена не удержит падающий снег.

– Стены недостаточно, – сказал мне Кафка. – Недостаточно. Для джамперов. Моей армии джокеров.

– Недостаточно.

Ветер выл и безумно смеялся. Мокрый снег со свистом вился вокруг колонн холла, между опор, поддерживавших пол, чтоб тот выдерживал мой вес...

И я проснулся. Мое огромное тело дрожало так, что все здание тряслось в унисон. Все охранники уставились на меня, а запах моих испражнений...

Ну, вы поняли.

Черт, сны должны становиться убежищем. Мне должно сниться, что у меня нормальное тело или еще какие-нибудь постпубертатные, влажные сны о Келли.

Каждому джокеру нужно убежище. А я не могу найти его даже во сне.

* * *

Я решил поговорить с Молли Болт, а не с Блезом: я мог слышать отзвуки разумов и знал, что Блез занят.

Ну, ладно. Буду честен. Это слабое оправдание. Я поговорил с Молли, потому что мне на самом деле не нравится Блез.

Но даже Молли не слушала меня как следует. Она говорила сама с собой, и я слышал ее мысли дважды. Ты дурак, Блоут. Слабак.

– Информация – это сила.

Да ладно, все это чушь собачья. Знаешь, что такое сила? Это занять тело какого-нибудь богатого соплежуха и унижать его. Заставить его бегать голышом по Уолл-стрит и мастурбировать. Заставить его уволить своих подчиненных, расстреляв их из черного «АК-47». Заставить его прийти в Джейтаун и отсосать у какого-нибудь джокера. Дать ему почувствовать, что его используют и он ничего не может с этим сделать. Вот это сила, губернатор.

Молли закинула одну затянутую в джинсы ногу на другую и ссутулилась в кресле напротив. Кстати, на коленях ее протерлись дырки. Несмотря на сугробы в три дюйма, она носила кроссовки без носков и короткий топик под кожаной курткой. Она провела рукой по торчащим во все стороны разноцветным волосам. Ее нижняя губа чуть припухла.

Я замечаю такие вещи. Это художник во мне.

– Молли, твоя власть – это просто способ поймать кайф. Ты делаешь это просто потому, что ты больная, испорченная маленькая девочка. Потому что тебе это нравится. – Она улыбнулась в ответ, а я усмехнулся. – Но ты тоже обеспокоена, – сказал я ей. – Все вы обеспокоены. Я слышу ваши мысли. Вы боитесь, потому что если убийца может достать такого хорошо защищенного человека, как Кьен (человек, которого, как я знал, Блез и его дружки должны были охранять), тогда и Прайм может быть убит, даже если его защищает Зельда. А значит, то же самое может случиться и с Блезом, и с тобой. Факт в том, что способностей джамперов недостаточно.

Как я уже сказал, я улавливал мысли, которые она пыталась скрыть. Так что я снова рассмеялся.

– О, ты была бы не против, если бы Блеза убили, не так ли? Прости, но «это чертов сукин сын, членосос и инопланетный болван Блез», если цитировать тебя дословно. Тебе стоит поработать над своим лексиконом, Молли. Ты недостаточно изобретательна. Все эти штампы...

– Прекрати свое чертово веселье, Блоут, и продолжим.

– Информация – это сила. Например, я могу рассказать Блезу, о чем ты только что думала. Или упомяну этот наполовину удавшийся план по устранению Блеза, который ты разработала с Черноголовыми. – Раздраженное сознание Молли тут же заполнилось новыми

образами. Я хохотнул. – Я разворошил осиное гнездо, Молли, – сказал я. – Прямо слышу, как они жужжат повсюду. И ты слышишь. Я замечаю такие вещи. Я заметил это с момента смерти Кьена. С того момента, как Прайм начал вести себя странно. Вы, джамперы, были, прямо скажем, глупы. Вы терроризировали город, словно киношная банда подростков.

Я ее не убедил.

– Мы просто показали засранцам, что не боимся их.

– Верно. И все, чего вы этим добиваетесь, – это играете по установленным натуралами правилам так, как им нужно. Вы только злите их, и только слепые идиоты могут думать, будто сотня джамперов и тысяча или около того джокеров на маленьком островке могут выстоять против них. Если они захотят, они уничтожат нас, они могут сделать это.

Молли фыркнула, хотя я знал, что на самом деле она слушает.

– Ну так поговори с Блезом или Праймом. С каких пор ты стал таким политиком? Ты не старше меня и уж точно не умнее.

– Я говорю с тобой, потому что ты мне нравишься. – Я вынужден был рассмеяться, когда увидел образ, возникший в ее голове. – О, у меня есть для этого все, что нужно, – сказал я ей. – По крайней мере, я так думаю. Оно все погребено под горами плоти. Сомневаюсь, что мое хозяйство увеличилось пропорционально моему телу. Кроме того, Келли мне нравится гораздо больше. Слушай, Молли, я много исследовал эту тему, на этом острове есть разумы... – Я покачал головой. Голоса в голове мешали, даже когда я говорил о них.

– Хочешь обладать властью? – спросил я. – Тогда тебе нужно много денег. Ты должен играть в эти экономические игры. Я изучал этот вопрос много времени и пришел к некоторым выводам. Один из них состоит в том, что Рокс слишком мал и слишком истощен. Кафка уже не может найти способ поддерживать тут все на плаву. «Инфраструктура» – вот какое слово он использует. Инфраструктура древняя и морально устаревшая. Она разваливается на части. А новые джокеры все прибывают. Ты продолжаешь нанимать тех, кто хочет быть джамперами. Рокс уже перенаселен, а дальше будет только хуже.

– Собираешься сказать мне, что твоя идея занять Нью-Йорк – не такая уж несбыточная мечта?

Я терпеливо ответил ей.

– Я пытаюсь сказать, что скоро у нас не останется выбора. Они не позволят нам остаться здесь, не навсегда. Наш собственный успех уничтожит нас, даже если они ничего для этого не сделают.

Молли просто расхохоталась, и я увидел абсурдные образы в ее голове. Она знала, что я слежу за ней, и преувеличила их еще больше для моего удовольствия.

– Блоут на буксире? – она фыркнула. – Как, черт подери, ты собираешься добраться до города? Твои джокеры построят чертов ковчег? Или ты поплывешь сам? Господи, это будет первый в истории кит в Нью-Йоркском заливе. – Она снова рассмеялась, запрокидывая голову и показывая длинную накачанную шею.

– Есть способы, Молли Болт, – сказал я ей. – Когда у тебя достаточно денег и достаточно власти, нерешаемых проблем почти не существует.

Она не была убеждена.

– Конечно. И твоя чертова Стена тоже охватит весь Манхэттен.

– Эй! Я все еще растущий мальчик. И мои силы растут вместе со мной. Стена уже на сотню ярдов дальше, чем она была всего полгода назад, и она стала сильнее, чем когда-либо. И это тоже часть уравнения. Что случится, когда корабли не смогут ходить от залива вверх и вниз по Гудзону? Что они сделают, когда Рокс дорастет до построек в Джерси? Они уже меняют воздушные пути для Томлина и ЛаГардиа. Сила в экономике, дорогая моя Молли.

Она не поверила мне и прямо сказала об этом.

Я подумал о своем сне.

Этого будет недостаточно...

Я заблудился на минуту в воспоминаниях о моих местах, в голосах в моей голове. Когда я вернулся в реальность, Молли пристально смотрела на меня.

– Послушай, я тебя знаю. У тебя есть какой-то план, не так ли? Вот почему ты изводишь меня до смерти своим твяканьем.

Я ухмыльнулся.

– Я хочу использовать тебя, Молли. Тебя и остальных джамперов. Я хочу использовать ваши способности, чтобы сделать нас чертовски богатыми. Если хочешь по-настоящему унизить кого-то, ты должен знать, где ударить, чтобы было действительно больно. А я также знаю, что напугает их больше всего. Я все организую, а вы, джамперы, станете исполнителями. И ручаюсь тебе, я сделаю нас богатыми. Богатыми. Богатыми. Давай я расскажу тебе, как мы провернем все это...

Мелинда М. Снодграсс Любовники

I

– МОНСТР!

Доктор Тахион уклонился от загибающего удара ее когтей. Слезы катились по ее щекам, разъедая новые раны в том, что и так уже было гноящейся массой. Джокер яростно затрясла головой. Слезы полетели во всех направлениях, и крохотные отверстия появились в тканевой занавеске, предусмотренной для того, чтобы обеспечить некоторую приватность в смотровой в клинике имени Блайта ван Ренселлера. Одна слеза приземлилась Тахиону на ухо, вызвав пронзительный крик боли.

– Вы сделали это. ВЫ. Я убью вас.

Не могло быть никакой ошибки в том, кому была направлена эта угроза.

– ТРОЛЬ! – проревел Тахион.

Девятифутовый джокер не тратил время по мелочам. Занавеска рухнула вместе со звон оборванных металлических колец. Начальник охраны клиники сдернул визжащую женщину со смотрового стола и держал ее, брыкающуюся, царапающуюся и извивающуюся, на расстоянии вытянутой руки. Кислота в ее слюне и слезах не оказывала ни малейшего воздействия на ороговевшие пластины, покрывавшие тело Троля.

Тахион метнулся к тумбе с лекарствами. Проклял искусственную руку, когда попытался удержать, не разбив, бутылочку с успокоительным. Наполнил шприц.

Когда он обернулся назад, Троль попытался предостеречь его.

– Нет, Док, не надо. Вы обожжетесь.

– Я это заслужил, – проворчал таксианец. Он нырнул ближе, схватил одну из мельтешащих рук и вытянул ее за спину женщины, жестко зафиксировав в захвате. Кислота обжигала его лицо и руку, но он вогнал иглу и дожал поршень.

– Теперь отойди, – приказал Троль, и на этот раз Тахион повиновался. Две минуты спустя сопротивление джокера стихло. Со вздохом она провалилась в наркотический сон. Тахион тяжело упал на стул, когда в смотровую через двери отделения реанимационной терапии вошла Коди. Как и подобает заведующей хирургическим отделением, она была одета в уныло-зеленый хирургический костюм. Вся передняя часть хирургического халата была забрызгана кровью, и все это в сочетании с черной повязкой на глазу придавало ей убийственный вид. Она подошла к Тахиону вплотную и склонилась так низко, что их носы почти соприкоснулись.

– Фрау доктор Франкенштейн, я полагаю, – слабо сказал Тахион.

Боевой задор в ее единственном глазу не погас.

– Что за чертовщина тут творится?

– Просто еще один обычный день в покойницкой.

На смену злости пришло беспокойство.

– Что не так? Что случилось? – Тахион махнул неопределенно рукой. Коди обернулась к Тролю. – С ним все в порядке?

– Физически. Он получил несколько ожогов кислотой. Но она глубоко его... ранила, – сказал Троль.

Руки Коди сомкнулись на плечах Тахиона.

– Поговори со мной. Я услышала все через этот проклятый громкоговоритель. Эта чертова сестра-истеричка кричала, что тебя тут убивают.

– Ничего настолько драматичного, – Тахион вздохнул и поднялся на ноги. Просто еще одна жертва призвала виновника ее страданий к ответу.

Коди проследила его взгляд на уже спокойно лежащего джокера.

– Когда произошла трансформация? – спросила женщина.

– Прыжок.

– Господи Иисусе, – легкая дрожь прошла ее высокую, стройную фигуру.

Тахион понимал ее. С появлением новых странных способностей дикой карты неприкосновенность собственной души теперь была под угрозой. Бродячая банда подростков внезапно развила способность обмениваться телами с любым. И они использовали эту силу со злым задором юности – совершая акты насилия, зверств и унижений, прежде чем перепрыгнуть обратно в собственное тело и оставить жертву разбираться с зачастую трагическими последствиями веселья джампера.

Тах снова вздохнул и потер глаза тыльной стороной ладони, как будто этот жест способен был прогнать усталость.

– Теперь мне надо позвонить мистеру Несбиту и сообщить ему, что его жена здесь... Но не та жена, какой он ее помнит.

– Приди в Джокертаун и потеряй себя, – сказала Коди горько. – Неудивительно, что натуралы нас оставили. Они в ужасе. Черт, даже я боюсь, когда иду домой ночью. Как скоро какой-нибудь алчный джокер захочет себе мое тело?

– Тише, – предупредил Тахион.

– Я не боюсь, что меня услышат. Это маленький грязный джокерский секрет. Кто-то из них знает, как добраться до этих детей, и вместо того, чтобы сказать нам или полиции, они сперва позаботятся о себе.

Тах печально посмотрел на сборище протоплазменных монстров, заполнивших его приемную.

– Можешь ли ты осуждать их?

Коди вздрогнула, и Тахион поймал клочок воспоминаний. Однажды Коди пугающе близко подошла к тому, чтобы стать джокером. Да и сам Тахион нес в своих венах вирус дикой карты, вплетенный заботливо и спящий до поры в его генах. В любой момент вирус мог проявить себя и превратить его в отвратительного монстра либо даровать благословение смертью. Он даже не рассматривал третью, выигрышную возможность, что удача улыбнется ему и он станет одним из счастливчиков – тузом, благословенным нечеловеческими способностями.

– Не так уж легко быть праведным, не так ли? – спросил он мягко, и Коди вспыхнула.

– В наших мечтах мы все герои, – ответила женщина. – Хотелось бы надеяться, что мне достанет сил, если это все же случится...

– Вероятно, достанет. Я трус и не смогу прожить жизнь джокера.

– Что делаешь сегодня вечером?

– У меня свидание.

– Отмени его. Я приготовлю ужин. – Тахион уставился на нее. И к его удивлению, ресницы ее единственного глаза опустились. – Крис собирается к друзьям... На девичник, – добавила она грубовато. – И я ловлю момент. Мне кажется, к следующему году такие невинные удовольствия ей наскучат, и она будет искать других приключений.

– Коди, ты несешь чушь. Почему?

– Ты у нас телепат. Догадайся!

И она ушла, агрессивно цокая каблуками.

Джей Экройд поймал его на ступенях клиники. Экройд был более-менее успешным частным детективом, который порой раздражал Тахиона как назойливая муха, но время от времени мог действительно быть полезен скорее благодаря своей способности к телепортации, чем мозгам. Впрочем, об этом Тахион предпочитал не распространяться. Джей был слишком бойким, и Тахион не думал, что эта развязность была лишь маской, скрывающей глубокий ум.

Всякий раз думая об этом, Тахион чувствовал себя виноватым. В конце концов именно Джей полтора года назад спас пришельца от наемного убийцы. Тахион понимал, что отчасти его язвительность объяснялась тем, что Джей как-то застал его за дурацкой попыткой поиграть в следопыта.

– Повезло тебе вчера?

Тахион нахмурился еще сильнее. Если б он провел вчерашний вечер с кем-то из своего обычного набора подружек, он мог бы ответить обязательным лукавым взглядом искоса и легким толчком локтем. Но вчера с ним была Коди. И хотя их самозабвенные поцелуи не довели их до дверей спальни, Тах начал питать страстные надежды. Что там случилось перед этими дверьми в спальню, никого не касалось. Тах хмуро посмотрел на невзрачного человечка перед собой.

– Ты пришел, чтобы раздражать меня, или я наконец получу какие-то результаты за свои деньги?

– Думаешь, это так просто, то, что я делаю?

– Нет. Думаю, это очень утомительно. Именно потому я не делаю этого сам. К тому же я завязал с правоохранительной деятельностью. Я сейчас занят своей клиникой и...

– Возделываешь свой сад, – заключил Джей, напугав Тахиона своим знанием Вольтера.

– В стремлении к идеалу вы читали, – сказал Тахион, проходя центральный вход.

– Да, это производит впечатление на младенцев.

Тахион приветливо кивнул Миссис Цыплячьей Ножке и прошел к лифту. Пока они поднимались на четвертый этаж, в кабинет Тахиона, чужак чувствовал, как меняется настроение человека по мере того, как он логически выстраивает ту информацию, которую получил. И его собственное хорошее настроение ушло как вода в песок пустыни. В других, не терпящих промедления обстоятельствах он бы выдернул информацию из мозга человека напрямую, но это было то, чего он предпочитал не делать – по возможности никогда. К сожалению, от Блеза невозможно было спрятаться, словно страус в песок – это было опасно.

В офисе Джей развалился на диване. Тахион стоял лицом к окну, глядя на Джокертаун, раскинувшийся перед ним, словно гнойная болячка на теле Манхэттена. Впадал ли он в депрессию, или вид за последние двадцать пять лет действительно стал более грязным и убогим?

– Как это все отвратительно, – пробормотал Тахион.

– Ты только заметил? – Тон Джея раздражал. Тахион обернулся к нему.

– Возможно, сейчас мне просто трудней выносить все это.

– Тогда тебе лучше подготовиться. То, что я собираюсь рассказать, не очень-то приятно. – Джей вынул ноутбук, открыл его и начал читать. Голос его утратил изрядную долю веселости. – Блез работает с бандой джамперов.

Офисный стул вдруг показался надежней подкосившихся ног. Тах положил было руки на подлокотники, но пластиковый монстр не предполагал особых удобств. Тахион почувствовал, как его левая рука обхватывает правый локоть. Он невольно скрестил руки, закрывая дергающий спазмами живот.

– В стремлении к идеалу... теперь он чересчур могущественен.

– И становится еще сильнее. Он также связан с Призрачными кулаками... – Тахион вскинул голову. Джей не пропустил эту реакцию. – Есть знакомые там? – сухо спросил Джей.

Тах молча покачал головой и махнул рукой, чтобы Эйкрод продолжил. – Слушай, Тахион, у тебя нет священника, и если ты не доверяешь даже своему частному детективу, то кому вообще ты можешь доверять?

– Никому, – сказал Тахион мягко.

Джей смотрел на него на мгновение дольше, чем требовалось, потом продолжил.

– Руководя бандой джамперов, ваш очаровательный внук также принимает участие в обычных развлечениях: избиениях, грабежах, разбоях, проводит ночи в городе, пользуясь кредитками, любезно предоставленными его жертвами. – Джей помедлил.

Тахион накинута на него властно и требовательно.

– Что?

– Все указывает на то, что Блез и есть тот джампер, который взял под контроль тело Иры Гринстейн и...

– Я знаю, что с ним случилось, – его тон был резок. Тах взял себя в руки. – Ира двадцать лет была моим портным. Сколько людей, которым я покровительствовал, находится в опасности?

– Вы знаете Блеза лучше, чем я.

– Нет. Я лишь думал, что знаю его.

Этот правонарушитель инопланетного происхождения достиг вершин жестокости. Сейчас он в высшей лиге, он убийца. Пара моих осведомителей говорит, что он уничтожил одного из мелких наемников Призрачных кулаков, некоего Кристиана.

– Убийства Блезу не в новинку. Он убивал, когда участвовал в этой повстанческой ячейке во Франции.

– Нет, чтобы убивать, он брал под ментальный контроль других людей. Чтобы взять пистолет самому, надо совершить огромный шаг. За себя не скажу, я это все ненавижу, но для Блеза это был переворот. Он убивает для удовольствия и развлечения и наслаждается каждым моментом. Оба моих информатора сошлись на этом. На этом и на том, что они боятся маленького сукина сына.

– Он... Он на Манхэттене сейчас? – Тах ненавидел себя за эту запинку и за то, что голос его звучал, словно сломанная пила, выдавая его страх. Он не хотел признаваться даже себе в том, что боится своего внука.

– Нет, думаю, он базируется в Роксе, но он и банда его отмороzków совершают набеги в город.

– Думаешь?

Джей правильно понял вопрос.

– Слушай, ты меня нанял, чтобы я искал информацию о твоём мальчишке, а не искал, где он скрывается. И хотя я не трус, я и не глупец. Люди, отправляющиеся на Рокс, как правило, не возвращаются.

– Я если я найму тебя, чтобы доставить его сюда?

– Я откажусь. Я частный детектив, а не командос.

Очень долго они сидели молча. Очень трудно было Тахиону задать вопрос, вертевшийся на кончике языка. Многие годы ему угрожали враги, гораздо более пугающие, чем Блез: Астроном, Рой, Хартман. Так почему же он был так напуган? Или чрезмерная любовь обернулась гипертрофированным чувством ужаса и предательства, когда эта любовь умерла?

– Я в опасности?

Они посмотрели друг на друга.

– Я не знаю. Учитывая ваше прошлое, да, ты, вероятно, в опасности. Ты посадил его отца за решетку, убил его охрану и, чтобы спасти свою жизнь, пожертвовал жизнью его учителя. Не говоря уже о том, что ты рядил его в лиловое кружево...

– Ты тоже несешь некоторую ответственность за это. Как насчет Атланты, когда он был одержим этим существом? Он взял контроль над этим бедным джокером и заставил его разорвать себя на кусочки.

Джей поежился.

– Ладно, никто из нас не станет отцом года. Суть в том, чтобы знать, что, по его мнению, ранит тебя сильнее. Возможно, для него будет достаточно перетрахать всех в твоём окружении.

– Я не могу жить с такой ношей. – Тахион встал и начал расхаживать по кабинету.

– Кажется, у тебя нет выбора.

– Должны быть какие-то другие варианты.

– Мне на ум приходит только один – разберись с Блезом.

Желудок Тахиона скрутило так, будто в него была выпущена порция свинцовой дроби.

Он покачал головой.

– Я не могу разобраться с ним.

– Почему нет?

– Потому что мне придется убить его.

Глаза Джей сверкнули в ответ на это резкое утверждение.

– Господи боже, да что это с вами, таксианцами? Вы что, никогда не слышали о психиатрах?

– Ты поймал его для меня?

У Джея хватило совести покраснеть. Он опустил взгляд.

– Не горю желанием.

Тах отвернулся.

– Я ранен, Джей. Ранен так, что ты не можешь себе даже представить. Я просто хочу, чтоб меня оставили в покое.

– Тебе не предоставят такой возможности. – Была какая-то мрачность, беспощадность в лице детектива, какой Тахион никогда не замечал за ним раньше. Это немного пугало. – Есть люди, которые просто играют свою роль в этой истории. Они не могут сойти со сцены, как бы они того ни хотели. И ты один из них, бедняга.

На это невозможно было ответить. В комнате снова воцарилось молчание. Тах наконец прошел к бару и налил бренди.

– Не слишком рано начинаешь?

– Не занудствуй. Ты вверг меня в депрессию и должен теперь ответить за последствия.

– Эй, это не моя проблема. Можешь убираться в ад, там тебе самое место. Но не пытайся винить во всем меня.

Тах отставил бокал, не притронувшись к нему.

– А как насчет Марка?

– Никаких следов. Нет, я знаю, что он где-то в окрестностях Большого Манхэттена, но не знаю где.

– Почему это вызывает такие трудности? Марк Медоуз очаровательный, но абсолютно бездарный человек. Как ему удастся скрываться от тебя все это время?

– Ему помогают. Кажется, джокеры его защищают, и, что гораздо более важно, он не хочет, чтобы его нашли.

– Его защитники должны знать, что нам можно верить.

– Слушай, если информация просочится к нам, то как скоро она окажется у копов? Медоуза много кто разыскивает. Не забывай об этом.

– И вся эта возня – из-за слушанья об опеке над ребенком. Они разрушили его жизнь из-за пустяка.

– Они разрушили его жизнь потому, что он туз. Его малышка была лишь предлогом.

– В какое чудесное время мы живем. – Тах вздохнул. – Что ж, продолжай искать.
– А Блез? – Джей поднялся.
– Ты сказал мне все, что я хотел знать. Теперь мне лишь надо предупредить друзей и самому принять меры предосторожности.
Джей помедлил у двери.
– Ты же не собираешься...
– Он мой внук. Последний моей крови. Единственный наследник, который у меня когда-либо будет. Я не могу... – его голос так же стих.
– Я думаю, ты дурак.
– Ты уже говорил это раньше.
Джей ушел. А Тахион принялся цедить бренди.

Пронзительная трель телефона с трудом пробилась сквозь шум душа. Тах услышал, как включился автоответчик. Он продолжил намыливать свои длинные красные волосы, пока его собственный голос читал предварительно записанное сообщение. Затем раздался сигнал, и зазвучал голос Коди.

– Я сняла для нас комнату в «Ритце». – Зашипев, Тах выключил воду. – Приходит время, и ты больше не можешь убежать от секса. Встреть меня.

Тах просто стоял, и пена бежала по его лбу, а внезапный прилив тестостерона привел его член в полувозбужденное состояние. Пена добралась до глаз, и глаза начало жечь. Проклиная все на свете, он вновь включил воду и домылся. Он торопился, но ему казалось, что он едва двигается. Его пальцы стали неуклюжими от удивления и нервного ожидания. Он выбрал свой лучший наряд. Он надевал его только к Хирам, на ежегодные обеды в День дикой карты, но сегодняшний день заслуживал подобной элегантности.

Пока он ощупывал мягкий материал, он удивлялся ее выбору места для свидания. Отель казался довольно нейтральным. Но ее сын, Крис, был решающим фактором на ее территории, а приходить к Тахиону для такой гордой женщины было сродни капитуляции.

Одевшись, он критически рассмотрел свое отражение в зеркале. Невысок, да, по человеческим стандартам, но очень строен. Рыжие кудри спускались на плечи. Складки у рта и морщины у глаз были слишком глубоки для его девяносто первого года, но годы на Земле были беспощадны к нему. Худшим из недостатков был уродливый нарост, которым завершалась его правая рука. Он хотел бы иметь возможность ласкать ее со всем мастерством таксианского принца-ментата.

Колокольчик входной двери пронзительно зазвенел. Тах схватил свой бумажник и постарался не бежать.

У дверей номера он в последний раз поправил украшенные золотом кружева на горле, поправил букет роз и один раз стукнул искусственной рукой.

– Открыто, входи, – отозвалась Коди.

Тахион вошел. У изножья кровати стоял сервировочный столик. Икра, птифуры, дольки сыра камамбер и, что самое важное, шампанское, охлаждающееся в серебряном ведерке.

Коди вышла из ванной. Было что-то нерешительное, почти неловкое в ее позе. Тах понял. Он и сам чувствовал себя неловко и ужасно нервничал. Он понял вдруг, что смотрит на черное неглиже, накинутое на ее плечи. Оно потрясающе подчеркивало ее прелести, и Тах был несколько удивлен тем, что она надела такой сексуальный наряд. Что же в таком случае он на самом деле знал об этой женщине и ее фантазиях? Он всегда видел ее безупречно спокойным, невероятно умелым хирургом. Возможно, в спальне ей нравилось быть гурией, чтобы компенсировать свой довольно суровый образ.

– Я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что.

– Все, что угодно, – сказал Тах, протягивая розы. На фоне ее черного наряда они казались каплями крови.

– Не читай моих мыслей.

Тах был озадачен, в нем пробудилась подозрительность. Но его член требовал пристального внимания, а если он скажет «нет», то никогда не сможет затащить эту женщину в кровать.

– Хорошо, – сказал он медленно. – Могу я узнать почему?

– Мне нужно чувствовать себя... В безопасности.

Он засмеялся, чтобы подавить чувство обиды и разочарования, грозившее разрушить его сладострастное предвкушение.

– Забавно, я всегда чувствую большую безопасность, когда могу соединиться полностью с моим любовником.

– Ну сделай это для меня. Обещай.

– Я обещаю.

Казалось, она испытала огромное облегчение, потому что вдруг улыбнулась. Букет роз был отброшен в кресло.

– Ты хочешь терять время на всю эту романтическую ерунду?

– У тебя есть предложения лучше? – Он почувствовал, что говорит так, будто рот его полон ватных шариков.

– Угу, – она подошла к нему и скинула пиджак с его плеч.

Пока он извивался и рвался, пытаясь высвободиться из рукавов, ему удалось склониться и поцеловать ямку у основания ее горла. Он сбросил туфли и внезапно без каблуков в два дюйма стал гораздо ниже. Его глаза оказались на уровне ее груди. Это была привлекательная перспектива. Ее руки были уже у него на поясе, расстегивая ремень его брюк и сдергивая их вниз. Они опутали его лодыжки, и он зашатался, пытаясь восстановить равновесие. Она засмеялась глубоким горловым смехом и толкнула его, уронив на кровать. Нагнувшись, она схватила штанины и потянула их, словно распечатывая кукурузный початок.

Его трусы упали вместе с брюками, и теперь он чувствовал себя довольно глупо и уязвимо в одних носках и рубашке, с эрегированным членом в рыжей поросли волос.

Коди упала на кровать вместе с ним и перевернула его так, чтобы он оказался сверху. Зарывшись пальцами в его волосы, она привлекла его к себе и поцеловала в засос. Ее язык проник меж его зубов, и именно это неуклюжее подростковое сосание в сочетании с легким щелчком открывшейся двери предупредили его об опасности. Он попытался откатиться, но пальцы подставной Коди запутались в его волосах словно шипы.

Быстрое ментальное сканирование показало, что в комнате было семь противников, включая женщину в кровати, и он почувствовал ледяную стену ментального экрана, поставить которую мог только Блез. Тах начал действовать. Подставная Коди провалилась в сон вместе с еще одним из сопровождения. После этого таксианец был слишком занят, отражая атаку Блеза. Что-то тяжелое ударило его между лопаток, выбив воздух из легких. Он отчаянно пытался вдохнуть, словно испорченный насос, а потом попытался резко выдохнуть, когда ткань, пропитанная хлороформом, закрыла его рот и нос. Это было безнадежно. Пары препарата взяли его сознание под контроль. Тахиону удалось перевернуться на спину. Последнее, что он увидел, был Блез, наливающий бокал шампанского и иронично салютующий им.

Когда первый электрический разряд прошел через его яички, Тахион думал, что умрет.

Он медленно возвращался в сознание, едва осознавая затхлый, заплесневелый запах, давление переполненного мочевого пузыря, тупую головную боль – следствие медикаментозного сна, а затем...

БОЛЬ! Крик разорвал его горло, словно кислота, и тело Тахиона забило на старом ветхом матрасе, где он лежал, словно умирающая рыба. Страшные тиски сдавили его разум.

Тахион почувствовал Блеза. Запаниковал. Начал сопротивляться изо всех сил. Теперь он мог видеть ночной кошмар – Блез держал электрическое стрекало для погонщиков скота. Это не могло быть реальностью, это был соooooон. Еще один разряд невыносимой агонии. Никто не мог вынести это и остаться в живых. Вновь вернулись сжимающиеся челюсти, зубы, пронзающие идеальную кристаллическую сферу его ментальной защиты. НЕТ!

Боль саморазрушения, какофония болтливых, возбужденных, голодных, нищих и злых умов. Один разум особняком. Знакомый, ужасающий разум держит его словно жука в янтаре.

«Привет, дедушка», – напевал Блез.

Тахион слабо сопротивлялся удивительно мощному ментальному контролю, захватившему его.

– Сейчас, – сказал Блез.

«Сейчас», – успел подумать он, прежде чем мир сошел с ума. Какой-то дикий, безумный момент Тахион смотрел сверху вниз на свое собственное тело. Еще один сдвиг и наклон, еще один приступ мучительной тошноты. Тахион боролся за контроль, пытаясь остаться в сознании. Ему это удалось. Едва-едва.

Он понял, что сидит на покрытом пятнами линолеумном полу. Руки его оканчивались ладонями, ладони вцепились в ноги. Тах усталился в ликующее лицо Блеза. Губы его дрогнули, он зарычал: таксианский пси-лорд пытался собрать свою силу и не находил ничего.

Блез рассмеялся, громко и прерывисто. Это был невыносимый, страшный звук.

– О, деда, – Тахион обхватил себя руками подростка, – ты будешь жалеть, что я не убил тебя.

Ярость мелькнула в его взгляде, и Тахион изо всех сил ударил Блеза в лицо. Ударил и замер в шоке. Его правая рука оканчивалась кистью. Сколотый лак пестрел на ногтях. Желчный комок подступил к горлу.

Блез швырнул его лицом на матрас. Тахион боролся, чтобы остаться в сознании. Глубочайшая часть его. Та, которая сейчас бегала, плакала и кричала в его голове. В поисках того, что было утрачено. Он находил лишь тишину и тьму. «Моя сила!» – вопил он.

Рвущийся звук и холодный воздух ударили в грудь Таха. Грубые руки схватились за пояс синих джинсов, сломали кнопку, разорвали молнию. Ногти Блеза вцепились в его ноги, когда мальчишка дернул вниз брюки. Они удержались. Бормоча ругательства, Блез отполз назад и начал стаскивать теннисные туфли. Это было произвольное движение, о котором он пожалел позже, но Тах ударил Блеза ногами в лицо.

Кровь из разбитого носа Блеза брызнула на голые ноги Тахиона, на грязную плитку пола. Блез схватил Тахиона за волосы, поднял его и ударил по лицу. Тахион попытался защититься, ответить, но он чувствовал себя слабым и дезориентированным. Он знал, что стал жертвой джампера, часть его даже признавала это, но принять было невозможно.

Это не происходит. Это не могло произойти. Не со мной.

Он был слишком избит, чтобы продолжать сопротивление. Слезы и кровь покрывали лицо слизистой смесью. Блез поднялся. Он казался колоссом с широко расставленными ногами, возвышающимся над телом Таха. Он медленно растянул молнию и достал свой стоящий член. Тахион думал, что пережил уже худшее из всего, что мог предложить этот мир. Он ошибался.

Мышцы дрожали от напряжения, но она все еще держала его на расстоянии. Ему никак не удавалось вставить ей. Бормоча проклятия, Блез сжал мягкую плоть под коленями и попытался раздвинуть ей ноги. Она едва не выцарапала ему глаза, но он был для нее слишком быстр.

Внезапно Блез потянул ее за волосы, посадив вертикально, и нанес два сильных удара в живот. Воздух вышел из нее как из лопнувшего воздушного шара, и Тахион затих. Ее ноги стали вялыми.

– Держите его, – приказал Блез.

Двое мальчишек подскочили выполнить приказ. По одному на каждую ногу, они играли с изломанным, скрученным болью телом.

С грубой усмешкой Блез сгреб ногтями ее груди, покрутил соски. Тах невольно вскрикнул. Затем его пальцы нежно спустились к талии, очертили небольшую кривую живота, прочесали лобок.

Тах закричал, и Блез накинудся на него как дикий зверь. Зубы рвали губы и грудь. Блез методически долбил Тахиона, входя в нее все глубже и глубже.

Крик эхом отражался от стен. Как и подбадривающие возгласы зрителей.

– НЕТ! НЕТ! ПРЕКРАТИ! ПЕРЕСТАНЬ! – девочка в его теле выкрикивала слова протеста.

Как странно, подумал Тахион, когда сознание покинуло ее. Кто бы мог подумать, что у меня такой глубокий голос.

Стивен Лей Искушение Иеронима Блоута

III

Есть моменты, когда жизнь хороша.

Иногда удовольствие имеет довольно странную природу. У меня было всего несколько бесед с Праймом. Он не часто бывает на Роксе, и когда он здесь, предпочитает меня избегать. Это потому, что он знает: я могу видеть сквозь его непроницаемую ледяную маску. Это потому, что он знает: я могу видеть глубочайшие трещинки, скрытые за гладкой холодной поверхностью. Он знает, что я вижу одержимость, что мучает и возбуждает его одновременно.

Все напряжение, копившееся годы и годы за его бесстрастной стеной (не такой хорошей стеной, как моя), и Дэвида, бедного Дэвида, разрушившего ее одним своим присутствием. Смерть Дэвида стала ударом отбойного молотка. Стены. У меня есть своя стена, у Прайма – своя, и она рушится, как разрушилась в прошлом месяце Берлинская стена.

Или... Иногда я думал об этом несколько иначе. Прайм, если наблюдать за ним, словно спящий вулкан, весь покрытый снегом, но облака пара, вырывающиеся из кратеров, намекают на хаос, царящий внутри.

В конце концов, это более удачный образ. И мне интересно, когда же начнется извержение. Я и боюсь этого, потому что Прайм держит в узде Блеза. Без Прайма...

Я собирался приступить к торжественному открытию, когда Кафка, чрезвычайно возбужденный, с грохотом ввалился в вестибюль. Он едва взглянул на огромный драпированный пакет, установленный передо мной. Задышавшись, он просто спросил, откуда тот взялся.

– Это подарок от Нельсона Диксона.

Лэтхем – Прайм – стоял у драпировок. Он фыркнул, все еще играя в ледышку. Блез отсутствовал, хотя Молли и КейСи были. Смех моих джокеров раздавался с балкона и растекался по периметру зала. Арахис хлопал меня одной рукой по боку, хохоча. Я с признательностью взглянул на глуповатого джокера. Саван, Ноготки, Блевотина, Видак, Элмо – с полсотни их разговаривало в зале, и все их мысли заполняли мою голову.

Неудивительно, что я такой большой. Во мне столько народу. Кафка выглядел настолько дико, насколько дико может выглядеть таракан. Он повторил мои слова, очевидно сконфуженный.

– Ну, Диксон выписал чек, – сказал я ему. – Очень мило с его стороны, не так ли?

Кафка несколько раз моргнул.

– Ну, я не знаю, где он его взял, и я понятия не имею, как это работает. Но он исправно гудит. Я его подключил.

Иногда даже телепаты могут ошибиться. Я запоздало скользнул по образам в голове Кафки и понял, что мы говорим о совершенно разных вещах. Он говорил о генераторе. Я сказал ему, что рад, что ему наконец-то удалось заполучить один, чтобы привести Рокс в порядок.

Кафка просто покачал головой (ну ладно, на самом деле всем телом).

– Ты не покупал его, губернатор?

Джокер излучал замешательство. Он посмотрел на меня, на Прайма, на Арахиса и на остальных джокеров, собравшихся вокруг.

– Его не было в подвале, и его не было там два дня назад. И он не похож ни на один генератор из всех, что я когда-либо видел.

Образ в его голове для меня был похож на генератор, но Кафка вздохнул.

– Я понятия не имею, ни что его питает, ни как он работает, – продолжил он. Я проверил датчики, и он дает энергию, много и постоянно. С этой энергией я могу запитать все западное крыло. У нас будут свет, тепло и электричество.

Здесь он остановился, впервые заметив присутствие Прайма.

Прайм махнул рукой в сторону драпировок.

– Маленький подарок от нас губернатору, – сказал ему Прайм. – Первая выписка по авторскому гонорару. Предложение Блоута, адресованное мне и другим джамперам, отлично сработало. – Он дернул драпировку, и грязный брезент осел на пол. Все джокеры ахнули. Это было прекрасно. Гораздо более впечатляюще, чем репродукции, которые я видел в учебниках по истории искусств или на постерах, что я бывало вешал в своей комнате. Картина – триптих – была высотой в пять футов, и шириной, наверное, в четыре, ее обрамляла богатая деревянная рама. По центру располагалась сцена снятия тела Христова с креста, но что я действительно жаждал увидеть, так это внутренние панели. Я махнул рукой в сторону Арахиса и Элмо, велел им побыстрее открыть их.

Они распахнули внешние панели, открыв великолепный фантастический пейзаж внутри. По залу прошла рябь восхищения и удивления.

– «Искушение святого Антония». Иероним Босх, – сказал я для тех, кто не знал этой работы, – ранее картина хранилась в Национальном музее античного искусства в Лиссабоне, теперь – исключительно достояние Рокса.

Я хохотнул, громко и протяжно. Это было действительно блестяще. Босх не знал этого, но он писал мир после посещения дикой карты задолго до ее пришествия. Я часто задавался вопросом, была ли это вспышка предвидения? – Никто другой в его время не делал ничего подобного. Я могу вообразить, что это – мой Рокс. Это будет мир чудес, блистательное видение.

Вы знаете Босха, не так ли? В его голове царили гротескные образы, его кисть рождала целый ряд деформированных, измененных и мучимых человеческих форм, воображение его было переполнено всеми демонами ада и кумирами суеверного мира – так, по крайней мере, говорили мне мои учителя.

В центре искривленного средневекового пейзажа играли образы Босха. Джокеры. Они скакали везде, куда ни кинешь взгляд. Триптих представлял собой торжество духа джокеров: демоны с лисьими головами, водяные верхом на летающих рыбах, другая рыба, ползущая по дороге, на спине ее – замок, пингвин, скользящий на коньках, жукоголовый мужчина в красном плаще, другой – с травой, выросшей на спине, полуголая женщина с хвостом ящерицы, человек-жаба, человек-обезьяна – сотни их, мятущихся в темном, бурном мире.

Словно мой Рокс. Словно тот Рокс, который я вижу в своих снах.

Рокс, который я построю, если они позволят мне.

Кафка смотрел на картину, как и прочие – завороченно. Джокер, которого мы прозвали Абажур, засветился, он устремил свой светящийся взгляд на триптих, так что тот стоял, залитый сияющим светом. Джокеры, купающиеся в золотом кляре.

Я весело рассмеялся.

– Мы нашли способ заставить Комбинат платить за нас. – Джокеры рассмеялись, услышав словечко, которое КейСи использовала, чтобы называть правящие структуры натуралов. – Они хорошо заплатят за то, чтоб оставаться в своих собственных маленьких телах. Достаточно хорошо.

На какое-то мгновение, глядя на «Искушение», я забыл о трагедиях в Нью-Йорке. Я забыл презрение Прайма и Блеза к джокерам и к моим мечтам. Я забыл о длительной агонии джокеров внутри моей Стены.

Я забыл обо всем этом.

– Рокс получил покровителей. Людей, занимающих высокие посты. Людей с деньгами. С большими деньгами. Никто больше не будет голодать здесь.

Я снова рассмеялся, и джокеры смеялись со мной. Джокеры на картине Босха танцевали в знак солидарности.

Есть моменты, когда жизнь – дерьмо.

В день, когда Прайм доставил Босха, Блез совершил нечто, во что я до сих пор не могу поверить.

Одним ужасным ударом он забрал Келли и ранил человека, который всегда помогал джокерам. То, что Блез сделал с Келли, – несправедливо. Несправедливо ни по отношению к ней, ни по отношению к Тахиону. Я слышал, как Блез привез Тахиона на Рокс. Я слышал, и я ничего не мог сделать: большинство джокеров больше не верило Тахиону, после того как он предал Хартмана. И все же...

Меня тошнит – выворачивает наизнанку всего, – когда я слышу боль Тахиона. Хуже. Я не могу отрешиться от нее, как я делаю с некоторыми другими голосами. Я почувствовал ее сразу, как только они миновали стену. Может быть, из-за моего увлечения Келли, может быть, это были отголоски телепатии Тахиона, но мы связаны.

Он звучит в моей голове так громко. И причиняет такую боль...

Горящее небо, молю, помоги мне...

Она причиняет такую боль. Она заставляет меня страдать.

Я был в ярости, хотя некоторые джокеры смеялись, услышав об этом. Я послал к Блезу Арахиса с посланием, в котором требовал вернуть Тахиона в его тело. Я сказал ему, что понимаю: у Блеза могут быть причины желать зла Тахиону, но доктор сделал для джокеров больше, чем кто бы то ни было. За это, сказал я, хочу, чтобы Тахиона освободили немедленно. Блез отомстил: он показал, насколько силен. Так пусть Тахион уйдет.

Я губернатор. Не так ли?

Блез послал Арахиса назад со снимками, сделанными на полароид: тело Келли – Тахиона – обнаженное и распластанное, ее широко распахнутые глаза, затравленные и безнадежно непокорные. Тахион – беспомощно раскрытый, выставленный напоказ. Снимок, сделанный между ее раскинутых ног. Тахион, накрытый телом Блеза. Тахион после всего, плачущий.

Я... Что ж, я ничего не сделал.

Я хочу сказать, а что я мог сделать? Послать отряд вооруженных джокеров на территорию, которую в Роксе занимали джамперы? Я мог бы это сделать, но Блез просто захватил бы над ними контроль, или его последователи перепрыгнули бы в них. Это было бы началом гражданской войны здесь. В конце концов, есть вещи, которые я должен принимать во внимание. Все не так просто.

Джамперы зарабатывают деньги, они приносят восторг и другие наркотики, к которым тут пристрастилась половина джокеров. Страх перед ними – одна из причин, по которой власти держатся подальше от нас. Мне нужны джамперы так же, как я нужен им.

Есть вещи, которые я не могу делать. Правда. Просто... Просто мне хотелось бы, чтобы я не чувствовал себя так паршиво из-за этого. Так мерзко. Я слушаю себя и вижу, что говорю как чертов Джордж Буш, приносящий извинения за то, что все его обещания не вводить «законов для экзотиков» были забыты.

Вы понимаете?

...пожалуйста, помоги мне... Я все еще слышу ее, и она зовет меня.

Это ранит. Это больно ранит.

Я заставил Арахиса сжечь фотографии, но все еще видел их. Келли, бедная Келли. Моя Келли. Это не то, о чем я мечтал, думая о тебе.

Мелинда М. Снодграсс Любовники

II

Вечность назад Тахиона бросили в гробницу. Он думал, что узнал, что такое отчаяние, когда тяжелая толстая дверь захлопнулась за ним. Теперь он понял, что это была лишь бледная тень истинного несчастья.

Его голова трещала в такт биению его сердца. Дыхание царапало, будто осколки стекла в горле, сорванном от крика. Кровь все еще слабо сочилась из его влагалища, и он спрашивал себя, какие еще внутренние повреждения были нанесены.

Неуместность поразила его. Нельзя использовать мужское местоимение, говоря о женской анатомии. Но он был мужчиной. Разве нет? Он вдруг понял, что его мочевого пузыря переполнен. Он потянулся вниз, коснулся слипшихся от крови волос и гладкости. Да, он больше не был мужчиной.

Это стало последней каплей. Пока она смотрела сухим, страдающим взглядом в темноту, Таху хотелось плакать, омыть ее горящие глаза слезами, высвободить страдания, переполнившие ее грудь, словно неподъемный груз. Но она не могла плакать. Словно ее эмоции были бережно собраны и спрятаны в некое тайное, глубокое место ее души. Она страдала, но не могла выразить свою боль.

Темнота, казалось, обрела форму. Вытянув перед ней руки, Тахион определил границы ее тюрьмы. Шесть на пять футов. Голый бетон под ногами. Кирпичные стены, сочившиеся влагой, словно потливый толстяк. Пока она совершала свое исследовательское путешествие, ее голые пальцы вздрагивали от каждого прикосновения. Им не стоило волноваться. Комната была совершенно, абсолютно пуста. Тахион понял, что сдерживать естественные позывы в женском теле гораздо сложнее, чем в мужском. Она снова нашла дверь. Ударил отчаянно ладонями, набрала воздуха в легкие и закричала:

– Эй! Помогите! Послушайте меня! ЭЙ!

Ответа не было.

Когда она присела в уголке и опустошила мочевого пузыря, Тахион понял, что самый отчаянный момент ее жизни стал одновременно и самым унижительным.

Наконец, она заснула. Ее разбудили сильная жажда, липкий холод и звук закрывающейся двери.

– Нет! Подождите! Не уходите! Не оставляйте меня!

Ее пальцы ударились обо что-то. Раздался глухой жестяной звук, будто металл скользнул по полу. Запах овсянки ударил в ноздри. Дрожа от голода, она упала на колени и слепо зашарила в поисках рассыпанных столовых приборов.

Минуты проходили безрезультатно. Наконец со слабым стоном ярости Тах схватила миску руками и принялась есть кашу, словно голодная собака. Это приглушило, но не изгнало голод. Указательным пальцем Тахион поскребла стенки миски и слизнула последние крупинки каши.

Еще немного поисков, и она нашла кувшин с водой и пустое ведро. Она сразу же воспользовалась ведром.

Она потеряла счет времени. Один день, три дня, неделя? Сколько времени прошло в мире света, в мире, где люди не голодают, не живут в зловонии собственных испражнений и не вздрагивают при малейших звуках другого живого существа?

Сначала Тахион с ужасом думал о том, что Блез мог взять себе и Коди. В конце концов, мальчишка был очарован этой женщиной. Он завидовал отношениям Таха и Коди, что и стало причиной его бегства и его мести. Но Блез был так же незамысловат, как и неуравновешен. Если бы Коди была у него, он бы замучил ее на глазах у Тахиона. Слава Идеалу, он не понимал еще силу внушения, агонию неизвестности.

По крайней мере, он перенес свою одержимость с Коди на меня, думал Тахион. Теперь она будет в безопасности. И хотя мысль эта успокаивала, Тахиону все еще приходилось стискивать зубы, чтоб они не стучали.

И Коди сможет догадаться, что Тахиона похитил Блез. И краткое облегчение от этой мысли уступало место неожиданной тяжести. Она на Роксе, и никто в здравом уме не сунется на Рокс.

И сокрушающее осознание: Блез не может позволить Коди раскрыть прыжок и похищение Тахиона. А что, если он убил ее? Или просто стер эту часть ее памяти своими ментальными силами? Страх охватывал ее: хотя Блез обладал самыми невероятными ментальными способностями, какие Тахион когда-либо видел, он оставался дубиной. В нем не было никакой ментальной тонкости. Его неуклюжее ментальное вмешательство могло разрушить разум Коди. В отчаянии Тахион бродил в темноте, которая не могла сравниться со стигийской чернотой ее ума и души. С их первой встречи Коди и Тахион образовали телепатическую связь – такого рода связь у Тахиона была лишь с одной человеческой женщиной помимо Коди. Безусловно, эта связь могла бы подсказать ему, жива ли Коди, но его силы исчезли. Так что темнота была полна лишь тишиной да ее мрачными страхами.

Ее кормили шесть раз. Значило ли это, что прошло три дня? Сложно сказать. Порой ее голод был так силен, что казалось, будто изнутри ее гложет маленький злой зверек. Так что, возможно, ее кормили не каждый день. Было ударом осознать, что ее метод вести счет времени оказался так же бесполезен, как и все, что она пробовала делать. Окончательная потеря контроля даже над крохотной частью собственного окружения едва не доводила ее до слез.

Прошло еще сколько-то времени, и наконец тишина стала невыносимой. Однажды она обнаружила, что разговаривает сама с собой. Столовые приборы стали катализатором этой последней странности поведения. Она копила их, и теперь у нее было три ложки и три вилки, которые она одержимо пересчитывала и сто раз перекладывала в долгие часы между сном.

«В приключенческих романах или дешевых шпионских фильмах наш герой всегда сооружает какое-нибудь дьявольски хитроумное устройство из обычных предметов домашнего обихода, – громко сказал Тах, – но наш герой всего лишь героиня, и она понятия не имеет, как это сделать». Смех отразился от низкого потолка и глухо упал назад. Тах зажал рот рукой, чтобы заглушить истерические звуки. Руки дрожали от истощения.

Заставив себя подняться на ноги, она шесть раз быстро обошла свою тюрьму, в такт своим шагам она цитировала по памяти: «Постоянное и всеобъемлющее желание спать. Беспричинные приступы тревоги. Истощение, затуманивающее ум. Приступы истерического смеха. Все классические симптомы острой депрессии». Она замолчала на минуту, признавая, что эта бессвязная речь – тоже аномальное поведение. Затем, пожав плечами, она прокричала в невидимый потолок: «Но ты не сведешь меня с ума, Блез. Ты можешь посадить меня за решетку, морить меня голодом, расстроить мое зрение постоянной темнотой, но ты не сведешь меня с ума».

Когда она сказала это, ей стало легче. Но потом она заснула.

Вместе с холодной темнотой пробуждения Тахиона покинули мрачные раздумья и пришла твердая уверенность в том, что она должна что-то сделать. Ожидание спасения не работало. Ей нужно найти способ общаться с миром, чтобы дать знать о своем положении. Был только один известный ей способ, и он потребует интимного исследования той телесной тюрьмы, в которой она очутилась.

Несколько минут она мерила темницу шагами. Она ненавидела это тело так же, как и влажные каменные стены этого подвала. Но теперь ей пришлось исследовать примитивный разум. Она искала связи, которые могли быть ментально отточены и отработаны до автоматизма.

Это было возможно. Давным-давно она тренировала Блайта создавать громоздкие простейшие ментальные щиты. Конечно, Блайт был джокером, но ее талант не влиял на физические связи в ее мозгу, и она училась. Так что это тело было обучаемым.

– Будем учиться, – прорычал Тахион.

Она удобно устроилась на полу. Закрывает глаза, начала со ступней, стараясь расслабить сведенные мышцы. И за темнотой под ее веками ее разум начал кружиться, словно собака, пытающаяся поймать себя за хвост. Что они сделали с моей клиникой? Почему никто мне не помогает?

Разъяренная собственной недисциплинированностью, Тах резко выпрямился.

– Если ты тренируешь это тело, – сказала она громко, – есть возможность, что ты свяжешься с Сашей или Фортунато или кем-то еще, кто тоже стал телепатом благодаря дикой карте, но еще не знает об этом. Ты сможешь вырваться на свободу и вернуться со множеством, множеством могущественных тузов, вернуть свое тело и сровнять с землей этот жалкий остров.

Она провела несколько минут, рисуя себе эту сцену. Образы смерти и разрушения возымели крайне успокаивающий эффект. Тах снова легла на спину, она решила, что, несмотря на сорок пять лет, проведенных на Земле, она все еще оставалась таксианцем до кончиков пальцев.

Она шла по горам. Горы казались таксианскими, но небо было земным. Летающая рыба скользила по верхушкам темных сосен словно необычный китайский воздушный змей, но по какой-то причине ее это не смущало.

– Считается ли это встречей? – спросил голос молодого человека.

Тах поискала источник звука, но не увидела ничего, кроме травы, цветов, деревьев и этой чертовой рыбы. Она заметила, что на вершине одного из холмов внезапно появился замок.

– Полагаю, да, – осторожно ответил Тахион.

– Хорошо. Я всегда хотел встретиться с тобой, но мне хотелось, чтоб ты держалась подальше от этого места. Тебе тут нравится?

– Здесь очень... мило.

Она дошла до бурного потока. Вода неслась, со звонким смехом расплескиваясь о скалы и огибая гигантские серые валуны, присевшие на корточках в центре русла. Тах не смогла удержаться. Подняв длинные юбки, она легко прыгнула с камня на камень, чувствуя ледяное, обжигающее прикосновение пены к лицу и рукам. Она быстро взобралась на спину гранитного бегемота. Шум воды был очень громким, и туман от порогов время от времени целовал лицо Тахиона.

– Так кто же ты? – спросила Тахион с нарочитой небрежностью, вынимая серо-зеленый лишайник из расщелины в скале.

– Друг.

– У меня нет друзей тут. Все мои друзья живут в другом мире, в другое время.

– Я здесь. И я реален.

– Ты голос ветра. Шепот облака. Лепет воды. Сонное порождение обезумевшего разума, – она поежилась и обхватила себя руками. Длинные газовые рукава цвета морской волны зацепились за грубую поверхность камня. – Верни мне мой мир. Я не могу жить в безумии, каким бы приятным оно ни было.

И вдруг она вновь оказалась в своей клетке. Тьма давила со всех сторон, жесткий бетон леденил ее голый зад.

– Да, – сказала она, всхлипнув. – Это реально.

– О, принцесса. Мне жаль. Я помогу. Я клянусь тебе, я помогу.

Она проснулась с пылом этого обещания, все еще звучавшего в ее голове.

– Что ж, друг, не хочу показаться циничной, но я поверю в это, когда увижу, – выкрикнула она громко.

Что-то в звуке показалось ей неправильным. Окошко для еды загремело, как галька в банке. Звук был такой, словно гравий раскатывают по дороге. Свет ударил в глаза как копье, и слезы покатались по щекам. Отчаянно прищурившись, она разглядела в этом свете человекоподобную форму. А затем в ноздри ее ударил запах. Запеченная курица. Слюна мгновенно наполнила рот.

Тах поднялась на ноги, забыв о наготы, поглощенная близостью пищи. Теперь, когда она была ближе, она узнала силуэт человека. И силуэт этот мог принадлежать только Арахису. Его кожа была затвердевшей, сморщенной, словно арахисовая скорлупа – так он получил свое прозвище. Его глаз почти не было видно в чешуйчатой маске лица. Одна рука отсутствовала, и Тах заметила, что на обрубке висела блузка и пара джинсов. Арахис попытался наклониться, чтоб опустить поднос. Тах подскочил к нему, чтобы помочь и не дать джокеру опрокинуть этот чудесный банкет.

– Спасибо, док, – его голос походил на скрежет. Загубевшие губы едва могли двигаться. – Я принес вам немного еды и одежду, но вы должны есть быстро, чтобы он не узнал.

Тахион не упустил ни легкое ударение, ни то, как нервно сверкнули глаза джокера, когда он оглянулся через плечо. Итак, все боятся Блеза. С ее стороны это не было бесхребетностью.

– Выпусти меня, Арахис, – сказала Тах, натягивая джинсы.

Малоподвижная голова качнулась.

– Нет, мы должны быть осторожными. Он сказал, мы ходим по лезвию, – другая интонация на этот раз. Интонация уважения.

– Кто? Кто это? – она застегнула последнюю пуговицу на блузке и почувствовала, как возвращается уверенность в себе, словно нарастает вторая кожа. Удивительно, что отсутствие одежды способно сделать с самообладанием человека.

Взгляд Арахиса нервно заметался.

– Я и так уже слишком много сказал. Ешьте, доктор, ешьте. И он поможет. Он помогает всем нам.

Тах присела и разделила мясо курицы изящными тонкими пальцами. Она ела быстро, маленькими порциями, но осторожно, чтоб оценить возможности организма. Слишком много еды, слишком быстро появившейся в желудке, – и у нее будет желудочный спазм, а было бы расточительством выблевать все это роскошество. На тарелке нашелся помидор. Она впиалась в него, сок потек по подбородку. Насытившаяся впервые за много недель, она вздохнула и качнулась на пятках.

Она, казалось, расслабилась. На самом деле она оценивала расстояние между Арахисом и дверью. Проверяла силу собственных мускулов. Внезапно она распрямилась и броси-

лась к выходу. Но недели в заключении взяли свое. Она неуклюже пошатнулась на ватных ногах. Ребристая поверхность руки Арахиса больно ударила в лицо, отбрасывая ее обратно.

От смущения он начал заикаться.

– Мне жаль. Мне так жаль, док, но вы заставили меня. Мне нужно думать о других. – Арахис схватил лоток и сбежал. Звук захлопнувшейся двери внес мрачную завершенность. Тахион заплакала.

Погоди, погоди, любовь моя.

Это была телепатия. Но телепатия, подобная едва заметной тени в темноте, словно свет светлячка на периферии зрения, отзвук музыки в дуновении ветра. Она обеими руками потянулась за этим едва уловимым ощущением.

– Помоги мне! – закричала она громко.

Я тебя не оставлю.

Контакт был разорван, но искренность этого обещания согрела Тахиона словно уютные объятия. Кому-то было не все равно.

С пробуждающимся удивлением она погладила материал блузки. Шелк. Вот насколько было не все равно ее мистическому покровителю.

– Спасибо. Спасибо! – прошептала она в темноту.

Когда он улыбался, он смотрел вниз и в сторону. Это придавало ему коварный кошачий взгляд, который всегда заставлял Тисианна смеяться. Когда Шаклан смотрел так, это значило, что вся работа будет отложена в сторону, а впереди их ждет какое-нибудь развлечение.

– Папа, куда мы идем?

– Плавать по льду.

– Но мне уже пора спать, и я голоден... и замерз.

– То, что ты увидишь, стоит больше, чем сон.

Руками он обхватывал шею отца, а мех и кружева на горле старика щекотали нос Тиса. Он чихнул. Звук смешался со стуком каблучков по мраморным плитам пола.

Северное сияние плясало, словно украшенное драгоценностями покрывало встряхивали на фоне усыпанной звездами черноты ночного неба. Было очень холодно, и каждый вздох царапал, словно грабли скребли по легким. Ледник, что венчает пик Да'шалан, трещал и стонал. Хруст снега под ногами, да изредка кашель телохранителей. Тис держал глаза закрытыми, зарывшись лицом в шею отца. Шаклан пах амброй и мускусом, и резким, едким запахом пороха.

Блестящее, как зеркало, озеро отражало переливы северного сияния. Ледяной пловец скользил по поверхности замерзшей воды. Все это сопровождалось нежным звоном колоколов. Он накренился и с шипением скользнул, причалив к берегу. Ледяные осколки ударили Тиса в лицо. Он облизнул губы и почувствовал резкий вкус горной воды, когда лед растаял от его горячего дыхания.

Они были на борту, и ветер колот щеки, пока ледяной пловец скользил по озеру.

– Возьми румпель, Тис.

– Не могу, папа. Ветер... Он слишком холодный.

Мужчина шагнул вперед. Северное сияние окружило его темную голову ярким ореолом. Бело-серебристый плащ, перекинутый через его руку. Мех его был так нежен, а ворсинки так сверкали в свете звезд, что казалось, будто бы он соткан из снега. Он поклонился.

– Мэм, – его голос был таким благоговейным, таким глубоким, каким бывает у мужчины, желающего показать, что он находит женщину прекрасной. Тахион растерялся. Маленький мальчик в замешательстве посмотрел на отца.

Шаклан улыбнулся и кивнул.

– Теперь о вас позаботится Изгой.

Тахион оглянулся на незнакомца, и недоумение трансформировалось в новую, более привычную для таксианца эмоцию – подозрение. У человека был странный цвет волос. Черные волосы? До того, как он/она прилетел/а на землю, Тах ни у кого не видел/а волос такого цвета, разве что у крашенных жеманниц из дома Алаа. А его одежда? Простая коричневая одежда, лишенная всякого стиля. И еще одно свидетельство того, что незнакомец в ее сне не был таксианцем, – имя. Таксианские пси-лорды носили свои прозвища не просто с гордостью. Это был крик, вопль о внимании. Тысяча, пять, десять тысяч лет тщательнейшей селекции были заложены в имени. Можно ли сравнить его с чем-то? Можно ли найти нечто, равное по благородству? Конечно же нет. Я бесподобный, несравненный. Я Тисианн брант Т'сара сек Халима – он мог продолжать в том же духе еще час. Но у нее не было времени. Опасность вторглась в царство его сна.

Тах отступал, пока не подошел вплотную к коленям отца.

– Нет, папа. Не оставляй меня, – это был яростный шепот.

Шаклан усмехнулся, покачал головой, потом склонился над руками Тахиона. Потoki его золотых волос попали в луч света и блестели, словно крученая проволока. Тах прижался ртом к уху Шаклана и продолжал умолять. Но слова, казалось, превращались в простые колебания воздуха, а волосы Шаклана липли к растрескавшимся губам Тахиона.

– В руках Изгоя ты будешь в такой же безопасности, как и в моих руках.

Шаклан быстро поцеловал каждую ладонь Таха, а потом сложил их вместе, будто так ребенок мог сохранить эти поцелуи. Это был любимый их ритуал, и Тах слабо улыбнулся отцу. Страх забылся. Шаклан подвел Тахиона ближе к Изгою.

Человек заботливо обернул плащом ее плечи. Что-то в этой сбивающей с толку смене пола снова сильно смутило ее. Длинные белые волосы смешались с мехом. Тах нахмурился. Даже волосы, казалось, играли бриллиантовыми огнями. Это напомнило ей о рисунках в ярких романтических японских комиксах, которые Блез бывало разбрасывал по квартире.

– Это глупо. Мои глаза тоже сияют как звезды?

Вопрос, казалось, оживил Изгоя. Кончики пальцев слегка коснулись козырька его черной тканевой фуражки, затрепетали на рукояти рапиры, висевшей на кожаном ремне, будто мужчина пытался увериться, что не забыл надеть свои брюки.

– Принцесса, я шепот облака, голос ветра.

– Ты! – Невольно ее руки вцепились в мягкую кожу его куртки. – Помоги мне.

– Скоро.

Изгой наклонился, его губы скользнули по тыльной стороне ее ладони, когда раздался хриплый смех. Они отпрыгнули друг от друга, и Тахион растерянно посмотрел на пингвина с ироничным человеческим взглядом, скользящего на коньках рядом с судном.

Грохот двери, распахнутой настежь, вырвал ее из сна. Блез вернулся. Отблески фонарей заставили Тахиона мигать словно крота, вытасченного из-под земли. Из ставших чувствительными глаз потекли слезы.

– Дедушка, мне следовало прийти... – он замолчал внезапно, грозная морщинка отчеркнула его переносицу. – Эй! Ты где достал эту чертову одежду?

– Зашел за ней в «Сакс». А ты как думаешь? Их швырнули в дверь вместе с моей баландой.

– Понятно... Я слишком долго отсутствовал. Люди стали относиться к тебе мягче. Но теперь я вернулся, и тебе будет приятно услышать, что я разрушил клинику. Ты ужасно разочаровал кучу людей там, в Джокертауне.

Каждое слово, казалось, жгло, словно капля кислоты. Тах моргнул, отчаянно пытаясь сосредоточиться. В конце концов ей это удалось, и она налетела на Блеза как боевой петух.

– Ты чудовище! Злобный безродный ублюдок! Что ты сделал с моими людьми?

Блез легко сбил ее с ног и послал ей воздушный поцелуй.

– Ты прекрасна, когда злишься.

Пятеро молодчиков, сопровождавших Блеза, рассмеялись. Они все были пьяны, и все они отпускали замечания, пропитанные запахом виски и отличающиеся лишь своей грубостью и пошлостью, перебрасываясь ими, словно играя в бадминтон.

Звук расстегнутой молнии на брюках Блеза оборвал пьяное бормотание и стеб.

– Разденьте его, – сказал Блез, безнадежно запутавшись в местоимениях.

Даже сейчас, когда ужас вцепился ей в горло, Тахион заметила, что голос Блеза стал глубже. Он становился мужчиной. Очевидно, он вновь собирался доказать Тахиону, что он уже мужчина.

– Блез, не делай этого. Это поступок животного. Как ты можешь брать женщину таким образом? Как ты можешь прикасаться ко мне? – Тахион умолял.

Парни приближались. Тах отшатнулся от них. Шаг в такт каждому отчаянному слову. Стена приблизилась с ужасающей внезапностью. Бежать было некуда.

Они схватили ее и разорвали на ней одежду. Когда ее повалили на пол, ее ноги раздвинули. Сведенные бедра горели, а бетон под ее голыми ягодицами был ледяным.

Блез раздевался с продуманной неспешностью. Он отдал свой свитер, рубашку и брюки другому парню, который сложил их с почти благоговейной аккуратностью. Тах изогнулся, чтобы смотреть, предпочитая видеть приближающийся ужас. Член Блеза свирепо торчал из рыжей растительности.

Голова Таха ударилась о бетон с громким стуком, когда она начала яростно вырываться. Она думала, что сможет лечь и расслабиться. Она ошибалась. Таксианское воспитание не позволило. Это было изнасилование. Преступление, практически неизвестное в ее мире. Акт настолько гнусный, что считался формой безумия.

В конце концов, когда Блез медленно опустился на ее съездившееся тело, в ее мозгу мелькнула глупая мыслишка: мы без зазрения совести убьем женщину. Но Идеал не позволит нам ее изнасиловать. И чье общество более невинно? Человеческое или таксианское?

Это все длилось и длилось. Блез намеренно сдерживал развязку. То жестко наваливался на нее, то легкими поцелуями пощипывал груди, губы и уши.

Где-то в середине этого испытания Тахион взмолился:

– Пожалуйста, Блез, пожалуйста.

– В чем дело, дедушка? – мягко напевал Блез ей в ухо.

– Не мучай меня больше. Верни мне мое тело. Отпусти меня.

– Ты все еще слишком горд, дедуля. Ты все так же отдаешь приказы, даже если говоришь «пожалуйста». Попроси хорошенько, деда. Умоляй.

Блез откатился от нее и встал.

– Отпустите его.

Парни отпустили ее.

– А теперь становись на колени, дедуля, и умоляй.

Тах стала на колени. Она смотрела вниз, на босые ноги Блеза. Под ноготь большого пальца забились грязь. Каким-то извращенным, причудливым образом это вызывало в ней отвращение. И она поняла, что самоуничижение не успокоит демона, стоящего перед ней. Она вскочила на ноги и плюнула Блезу в лицо. Легкий вздох, словно порыв ветра, прошелся по рядам наблюдающих подростков. Ошеломленный Блез поднял руку и вытер слюну. Изучил свои пальцы. Его лицо было пустым, бесстрастным. И вдруг отвратительная гримаса исказила его, и он ударил ее тыльной стороной ладони. Она перелетела через всю комнату и врезалась в дальнюю стену.

Блез снова был на ней. На этот раз, войдя, он принялся нещадно бить ее по лицу и голове. Его семяизвержение, когда оно наступило, было словно горячий прилив, затопивший

ее изнасилованное тело. Блез дал ей еще одну последнюю затрещину, но сексуальная разрядка, казалось, выплеснула его ярость. Даже не взглянув на нее, мальчишка встал и оделся. Он и его окружение покинули камеру.

Очень долго Тахион просто лежала на полу.

Стивен Лей Искушение Иеронима Блоута

IV

Через две недели я попытался ее вытащить. Я знал, что с Блезом говорить бесполезно, так что даже не пытался. Но я знал его мысли. Я знал, что он питает некоторое уважение к Прайму, даже благоговейный страх перед человеком, который способен создать джампера, но в которого нельзя перепрыгнуть. Я попытался начать отсюда.

Я должен был. Мало того, что я слышал мысленный голом Тахиона. Но теперь... теперь она являлась мне во всех моих снах. Я видел ее каждую ночь. Она ждала меня, терпеливо ждала.

Это причиняло боль. Я хотел схватить Блеза и задушить этого ублюдка.

Я попытался. Правда. Я поговорил с Праймом – Лэтхемом.

Лэтхем сложил руки поверх новой пары докеров. Зельда позади него принимала позы с обложек журналов о бодибилдинге. Он ждал, наполняя свой разум старыми контрактами и юридическими справками, так что мне было трудно понять, о чем же он действительно думает.

– Я занятой человек, губернатор, и я не могу оставаться здесь слишком долго, – сказал он. – Чего вы хотите?

– Мне нужна ваша помощь, – сказал я ему. – Блез сделал нечто глупое и опасное. Я полагаю, вы знаете, о чем я, или мне послать вам картинку некоего рыжеволосого пришельца, который против своей воли был подвергнут операции по смене пола? – Я послал ему усмешку. – Когда-то я весьма неплохо рисовал. Я мог бы нарисовать вам такую картину.

Лэтхем лишь моргнул. Сухой язык контрактов в его голове расступился ровно настолько, насколько требовалось, чтобы он мог заговорить – он действительно очень хорошо умел прятать свои мысли.

– То, что делает Блез, – это его забота, не моя, – сказал он.

Он выдал мне улыбку трески. События последнего месяца тяжело дались Лэтхему, но он все еще держал свою ледяную маску, лишь слегка растрескавшуюся по краям.

– Похищать Тахиона было глупо, – продолжил я. – Даже если бы Блез не притащил своего деда сюда, я бы сказал то же самое. Полагаю, глупость – в природе Блеза. Конечно, Тахион и сам совершал кое-какие глупости – вспомнить хотя бы Хартмана, но в конце концов, джокеры обязаны ему очень многим. Я не хочу, чтобы он пострадал.

Зельда фыркнула.

– Почему, – спросил Лэтхем, – я вообще должен что-то делать?

– Потому, – сказал я, немного растерянный от того, что он задает такой вопрос, – что такой человек, как Тахион, не заслуживает того, что Блез делает с ним. – Для меня это было совершенно очевидно.

Лэтхем просто поджал губы и кивнул. Тихо выдохнул.

– Симпатия, – сказал он наконец, – гораздо более глупый мотив, чтобы сделать что-либо, нежели месть. – Он подождал. – Мне так кажется.

Тогда я выложил все остальное.

– Слушайте, вы можете не делать этого из элементарной порядочности, раз уж вас это оскорбляет. Сделайте это потому, что Блез значительно усложняет ситуацию для джокеров. Вы слышали новости. Буш сказал Конгрессу, что рассмотрит восстановление законов

для экзотиков, если под это будет подведена законодательная база. Суды прессуют любого джокера, обвиняемого в каком-либо преступлении. Два государства уже приняли законы об обязательной стерилизации носителей вируса дикой карты. Статьи и газеты полны злобы и ненависти. Джокертаун превратился в полицейское государство, и Кох кричит: «Нет толерантности и нет издевательским законам, для незаконных пришельцев, захвативших нашу собственность» – его речи всегда имеют успех. Джамперы запугали и вооружили против себя весь город. Келли не сможет долго выдавать себя за Тахиона. Захватив кого-то настолько известного, они заставят власти обратить внимание на мой Рокс.

Зельда саркастически поджала губы. Лэтхем просто сидел, сцепив пальцы под подбородком.

– Я знаю вас, Прайм, – продолжил я. – Вы неплохо скрываете свои мысли, когда сидите здесь, передо мной, но не всегда. Я знаю все, что знаете вы. Все, что мне нужно, – шепнуть Цаплям пару слов или, может быть, просто сказать властям, что некий известный столичный адвокат... – я оставил предложение незавершенным.

Зельда стала внимательной и напряженной. Правовой сценарий в голове Лэтхема крошился как папиросная бумага. В его мыслях все было ледяным. Таким ледяным!

– Разрешите мне дать вам один совет, губернатор, – сказал он так же мягко, как и всегда. – Никогда не блефуйте с шантажом. Это очень слабый ход.

– Это не блеф. Я сделаю это. Уверю.

Лэтхем почти улыбнулся, а охрана вокруг подобралась. Он посмотрел на них, медленно, спокойно, потом посмотрел на меня. Его руки не двигались. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и разум его оставался пуст.

Это напугало меня больше, чем все, что он мог бы сказать.

Я не мог этого сделать. Он был прав. И Кафка тоже был прав: блеф – это действительно опасная игра.

Итак, мне жаль, потому что Роксу нужны джамперы. Нам нужны Прайм и Блез и все остальные.

Лэтхем знал это. Я знал это.

Но я обещаю тебе. Я найду другой способ.

Виктор Милан Безумец за океаном

Ребята из Агентства наркоконтроля нанесли визит в оздоровительный центр «Новая заря» сразу после утреннего часа пик, когда последние припозднившиеся яппи – если можно так выразиться – заедали свои пшенично-белые пончики самой знаменитой в оздоровительном центре, низкокалорийной, низкохолестериновой вегетарианской «яичницей» с белками из тофу и взбитыми желтками. Несколько свидетелей были должным образом впечатлены, но не настолько, чтобы путаться под ногами или причинить серьезную головную боль. В последние зимы восьмидесятых борцы с наркоманией в Америке не могли сделать ничего дурного в глазах прессы, общественности или закона, но власть имущие считали, что, если разгул наркомании все же случится – на что истово надеялся каждый член команды, – будет не очень-то хорошо, если слишком много подсаженных на иглу гражданских убьют в прямом эфире.

Если бы подобная сцена стала достоянием широкой общественности, это был бы медийный провал десятилетия: Агентство наркоконтроля против тузов-ренегатов.

Пока агенты в гражданском защищали посетителей и единственного коротко стриженного коренастого сварливого служащего женского пола, три человека из секретной лаборатории бригады правопорядка промчались через ресторан в своих черных тогах а-ля Дарт Вейдер, с автоматами «CAR-15» с толстыми глушителями в затянутых в черные перчатки руках. Один из них задержался, прежде чем бежать вверх, ударив кевларовой каской по задней двери.

– Мы ждем тебя, Линн, – сказал его приятель Дули, когда он добрался, перепрыгивая через ступени, до второго этажа. Маска Дули приглушала его слова, но Линн знал, что он ухмылялся, с уверенностью, которая приходит, если вы дружите с восьмого класса. Линн ухмыльнулся в ответ и кивнул.

Они с Дули встали по обе стороны от двери, тогда как Маттеоли просунул прорезиненный наконечник большого монтажного лома между косяком и дверью и взломал ее. Двое других вкатились внутрь. Линн – низко над полом влево, Дули – высоко и вправо.

– Наркоконтроль! Секретная лаборатория! Стоять, ублюдки!

Это была волшебная страна, гребаная волшебная страна. Она была не очень большой, но никто из них никогда не видел ничего подобного вне правительственных или университетских лабораторий. Это была одиннадцатая лаборатория, которую они накрыли, и они не знали предназначения половины оборудования в ней.

Единственное, что казалось неуместным, – двое мужчин, стоявших посреди всего этого сверкающего оборудования. Их ударную группу предупредили, что можно ожидать всякого рода нечисти, которая будет ошиваться вокруг престарелого хиппи. Но они не ждали увидеть средних лет негра и паренька-испанца много младше – оба были в пиджаках и при галстуках.

Рука испанца уже нырнула под пиджак, движение это можно было интерпретировать единственным образом. Дули взял его на мушку.

– Держи руки...

Большой нарезной «кольт Питон» взревел, едва выскочил на линию огня, оборвав Дули на середине предложения. Массивная броня, защищавшая его тело, остановила бы даже высокоскоростную триста семьдесят пятую пулю, а от лицевой пластины та бы срикошетила. Но экспансивная пуля аккуратно вошла между козырьком шлема и верхом маски, пробила правый глаз и вышла на затылке.

– Дули! – закричал Линн и оттянул назад спусковой крючок. Как и у всех в подразделении, на штурмовой винтовке у него был трехступенчатый регулятор огня, отключенный как раз в этот момент. Он почувствовал, что выпустил весь магазин, почувствовал пульсацию высокоскоростных пуль, просвистевших мимо, когда Маттеоли сделал то же самое от порога.

Испанец выронил «Питон» и исполнил маленький танец вертолетных лопастей, пока вся его белая рубашка не окрасилась красным. Черный парень скрылся из поля зрения.

Линн развернулся и упал спиной за лабораторный стол, который, конечно, не остановит пулю, но по крайней мере скроет его с глаз. Он отбросил отработанный магазин, нашарил другой на поясе и вогнал в гнездо.

– Матти, используй электрошоковую гранату для засранца! – прокричал он.

– Подмога! – прокричал Маттеоли в ответ. – Мы должны вызвать подкрепление!

Черта с два, подумал Линн. Слезы жгли его глаза. Подкрепление, мать твою. Он поднял рукоятку перезарядки и встал во весь рост.

Чтобы увидеть черную руку, машущую из скопления всех этих механизмов – размахивающую черной кожаной обложкой со слишком хорошо различимой характерной вставкой в виде золотого щита.

– Агентство по борьбе с наркотиками. Мы – полицейское управление Нью-Йорка, вы, тупые сукины дети!

ДВОЕ УБИТЫ В ПЕРЕСТРЕЛКЕ В НАРКОЛАБОРАТОРИИ ТУЗОВ – гласил, а может, кричал, газетный заголовок. Подзаголовок сообщал: наркокороль признал подпольную лабораторию «самой сложной из когда-либо созданных». Объявлен национальный розыск.

Доктор Преториус вздохнул и посмотрел поверх полукруглый старомодных очков для чтения.

– Итак, пара ваших ковбоев сорвалась с цепи и устроила перестрелку в лучших традициях Нью-Йорка. Какое отношение это имеет к моему клиенту?

Самый молодой из троицы с несвязным криком ярости вскочил со своего кожаного кресла. Преториус поднял бровь.

– Линн, – сказал старший не громко, но с характерной интонацией дрессировщика собак. – Может быть, тебе лучше подождать снаружи.

Молодой человек, встряхнув черными волосами, падающими на обезумевшие глаза, развернулся и ударил раскрытой ладонью в стену, заставив витрины с экзотическими насекомыми внутри задрожать. Затем он выбежал из кабинета адвоката.

– Что это было? – спросил Преториус.

– Агент Саксон был участником инцидента, о котором вы говорили так бесчужденно, – сказал третий. Он недавно разменял пятый десяток и казался обыкновенным во всем, кроме дорогого пошитого типичного для юриста костюма-тройки и мягкой гладкости лица. Человек из Америки Джорджа Буша.

– Его напарник был убит. – Он откинулся в кресле, очевидно, ожидая выражения сожаления или сочувствия.

– Мой вопрос все еще актуален, – сказал Преториус.

Лицо третьего человека мгновенно закаменело.

– В соответствии с законодательством Нью-Йорка доктор Медоуз может быть привлечен к ответственности за насильственную смерть, связанную с его преступной деятельностью.

– Мы говорим об уголовной ответственности вплоть до смертной казни, – добавил агрессивный дрессировщик собак.

Преториус начал смеяться. Оба они смотрели на него так, будто он отрастил себе огромные белые крылья, как у сапсана.

– Это самая притянутая за уши интерпретация закона, какую я только слышал, – сказал он, снимая очки и вытирая глаза. – Неужели не существует пределов тому высокомерному пренебрежению, которое вы, люди, испытываете к таким концепциям, как «права», «правовые процедуры», не говоря уже о здравом смысле?

Хлыщ с гладким лицом улыбнулся.

– Учитывая тот факт, что семьдесят процентов американской общественности полагает, что в борьбе с наркоугрозой оправданы любые меры, нет, – сказал он.

Дрессировщик вытащил пачку бумаг из внутреннего кармана своей куртки.

– У нас есть кое-что и для вас, Преториус. – Он хлопнул пакетом официально выглядящих бумаг по столу и улыбнулся Преториусу с чувством удовлетворения, посверкивавшим в его серо-стальных глазах. Преториус оценил его в 6.5.

– Как вы, без сомнения, знаете, – сказал хлыщ тоном таким же гладким, как и его лицо, – согласно актам о рэжете, коррупции и длящихся преступлениях, все имущество, принадлежащее наркоторговцам, подлежит конфискации. Помимо того, вы должны знать, я уверен, последняя интерпретация закона позволяет наложить арест на имущество адвокатов, которые представляют такую мразь. Мы не можем позволить, чтобы такие огромные суммы, которыми распоряжаются наркоторговцы, влияли на правосудие, не так ли, доктор? – И он тоже улыбнулся.

Мы были такой счастливой командой сегодня, подумал Преториус. Он потянулся за телефонной трубкой, нажал кнопку. Когда ему ответили, он просто сказал:

– Давайте.

Его посетители оцепенели. Дрессировщик бойцовых собак так наклонился вперед, что рисковал упасть на письменный стол Преториуса и расколоть его на части своим острым лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.